

ЗАМЕТКА О ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПОМЕЩИКОВ И КРЕСТЬЯН

НЕИЗДАННАЯ СТАТЬЯ ЩЕДРИНА КАНУНА РЕФОРМ

Вступительная статья М. Нечкиной

ЩЕДРИН О КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЕ

Впервые публикуемая ниже публицистическая статья Салтыкова «О взаимных отношениях помещиков и крестьян» представляет собою документ острого интереса. В этой ветхой рукописи, которая так и осталась неопубликованной, как в призме, преломились кардинальнейшие вопросы творчества Салтыкова в их связи с основными политическими вопросами окружавшей Салтыкова эпохи, с особенностями установок классовых сил на том историческом этапе, когда сложилось и расцвело художественное творчество великого сатирика. Поэтому при анализе этой ветхой рукописи к ней, как радиусы к центру, сбегаются нити, связывающие ее со всем комплексом исследовательских проблем творчества Салтыкова. Весь этот комплекс кратко может быть озаглавлен так: проблема буржуазно-демократической революции и творчество Салтыкова-Щедрина.

Документ невелик по размеру. Официально-сухой язык его оживлен типично щедринской жалящей на смерть иронией, облеченной — что делает ее еще более острой — в тот же «сухой» официальный стиль. Тема статьи — вопрос о личных отношениях крестьянина к помещику после предполагаемой отмены крепостного права, вопрос о вотчинной полиции, предоставляемой помещику после отмены крепостного права. Этот последний момент, отчетливо проведенный во всем тексте, дает основание для датировки документа, на котором не проставлено автором никаких дат. Все рассуждение о крестьянской реформе выдержано в будущем времени: «когда крестьяне за отведенные им в пользование помещиками земли будут обязаны отбывать денежные или натуральные повинности»...¹ Повинности крестьян «будут определены подлежащим губернским комитетом»... «предположено учреждение особых уездных присутствий»... Особо характерна в этом смысле формулировка в начале последнего абзаца документа: «нынешние крепостные крестьяне должны быть разделены на сельские общества» — ясно, что статья пишется Салтыковым еще до отмены крепостного права. Еще более значительным опорным пунктом для датировки является ссылка на «циркуляр г. министра внутренних дел»; процитированные в статье слова «вотчинная полиция предоставляется помещику»² подтверждают мысль о том, что речь идет об известном циркуляре министра внутренних дел Ланского (21/XI 1857), последовавшем вслед за известным рескриптом Александра II на имя генерал-губернатора Виленской, Ковенской и Гродненской губерний Назимова (20/XI 1857). Открытие губернских комитетов, упоминаемых в статье Салтыкова в качестве будущих, только еще имеющих действовать учреждений, предписывается именно «высочайшим» рескриптом. Чрезвычайно важен также для датировки текста Салтыкова упоминаемый в нем 12-летний срок «переходного состояния» (термин «временно обязанный» распространился позже)

крестьян: именно этот 12-летний срок (позже сокращенный) указан в циркуляре министра внутренних дел. Отсюда ясен вывод, что в качестве *terminus post quem* для датировки текста Салтыкова возможно было бы принять 21 ноября 1857 г., если бы не ряд оговорок: во-первых, рескрипт Назимову и циркуляр Ланского были разосланы по губерниям 24 ноября, а опубликованы в газетах лишь 17 декабря. Этот день и является тем моментом, когда эти документы и весь вопрос о реформе в целом получили официальную широкую гласность. Во-вторых, обращает на себя внимание то, что в статье Салтыкова говорится о возникших вокруг рескрипта и циркуляра разговорах, спорах, различных толкованиях, хотя бы например по вопросу о «вотчинной полиции», предоставляемой помещику («вотчинная полиция предоставляется помещику». Слова эти истолковываются весьма различно. Одни полагают, что на время переходного состояния...» и т. д.). Для возникновения этих разговоров и для определения спорных тем, вызвавших различные толкования, также должно протечь некоторое время. Характер документа не оставляет сомнений, что перед нами статья, которую Салтыков хотел опубликовать в текущей прессе³. Хотя статья довольно обширна, Салтыков все же называет ее «заметкой» и сообщает читателю, что за ней следует другая: «Предупреждаем читателя, что по объему и по характеру настоящей заметки мы можем коснуться этого предмета (различных систем применения административных начал». — М. Н.) только слегка, предоставляя себе в непродолжительном времени, в особой статье и во всей подробности развить взгляд наш на этот предмет». Поскольку публикация открытых статей о реформе стала возможна лишь с 17 декабря, — именно эту дату и следует принять за *terminus post quem*. *Terminus ante quem* очевидно определяется моментом выхода правительственной программы действий губернских комитетов, которая была опубликована и разослана в апреле 1858 г. Она оттеснила обсуждение рескрипта Назимову и циркуляра Ланского на задний план: оба эти документа сделались как бы историческими — появился новый, директивный и гораздо более конкретный документ. Ссылки на него были бы неизбежны в тексте Салтыкова, где разбираются вопросы о «переходном» состоянии, судах и пр., так как обо всем этом в правительственной программе был более свежий директивный материал. Таким образом апрель 1858 г. вернее всего можно принять за *terminus ante quem*. Итак публикуемый документ возник между 17 декабря 1857 и апрелем 1858 г.

Таким образом перед нами сравнительно молодой Салтыков, в бытность свою чиновником особых поручений IV класса при министре внутренних дел. «Заметка» Салтыкова осталась неопубликованной. План публикации более обширной статьи остался повидимому также неосуществленным. Но поднятые Салтыковым темы более подробно раскрыты им в публицистических статьях 1861 г., о которых ниже будет идти речь.

Как известно, «высочайший» рескрипт Назимову и циркуляр Ланского вызвали целую бурю толков и разговоров в дворянской среде. Далеко не новый для «образованного общества» вопрос об отмене крепостного права вдруг получил реальные очертания. Сразу возникла — уже на конкретной основе официально объявленной реформы и близости ее реального осуществления — вся совокупность вопросов, явившихся и позже центральными для реформы: понимание термина «переходное» состояние, вопрос о выкупе, о земельном наделе и его размере, вопрос о выкупе личности крестьянина и о личной зависимости его от помещика. Последний вопрос сыграл, как известно, огромную роль в крестьянской реформе: помещики осуществили дорогой выкуп личности крепостного, содрали с крестьянства огромную сумму за выкуп личности. Вопрос о личных отношениях помещика и крестьянина является основной темой статьи Салтыкова: «В настоящей заметке мы желаем коснуться исключительно одной категории этих отношений, а именно той, которая определяет будущее положение крестьянина в личных отношениях его с помещиком».

Сначала Салтыков выделяет момент отношений имущественных. Можно себе представить, с каким сарказмом автор «Запутанного дела» и «Губернских очерков» писал в своей статье следующие строки: «...в продолжение первых двенадцати лет, когда крестьяне за отведенные им в пользование помещиками земли будут обязаны отбы-

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)

Фотография конца 1850-х гг.

Частное собрание, Москва

вать определенные денежные или натуральные повинности и когда вместе с тем они будут лишены права переходить с места на место, между ними и помещиками должны завязаться весьма тесные сношения, имеющие характер имущественный». С полнейшей ясностью представлял себе Салтыков, что проектируемые правительством 12 лет «переходного» состояния являются сохранением того же крепостного права — крестьяне платят оброк, ходят на барщину и лишены права переходить с места на место. Чем же отличаются эти «будущие» «тесные имущественные отношения» от крепостного права? Решительно ничем. Иронический вывод усугублен торжественно глубокомысленным канцелярским стилем.

Не менее иронична и одна из следующих фраз статьи, звучащая чисто по-щедрински: крепкими земле крестьяне остаются между прочим и для того, «чтобы предотвратить в сельском населении подвижность, которая в видах государственных признается преждевременною». Еще один образец бесспорной щедринской иронии: только что приводя глубокомысленное рассуждение о том, что между крестьянином и помещиком завяжутся очень «тесные» сношения, имеющие «характер имущественный», Салтыков соглашается, что в этих якобы новых отношениях крестьянина и помещика «и норма оброка, платимого за землю, и самое количество земли, отводимой в пользование, — все определено заранее, так сказать фаталистически...» На сцену выступает государственная власть в качестве действующего на благо помещикам фатума.

Следующая несколько дальше решительная формулировка: «Совершенно другое дело отношения личные» заставляет насторожиться. Нет сомнений, что тут — формально — уже имеем мы предвосхищенный вывод статьи. Автор повидимому намерен доказывать, что в сфере личных отношений и лежит якобы огромное отличие крепостного состояния от будущего «свободного» крестьянского положения. Основным камнем преткновения для доказательства этого вывода являлось краткое положение высочайшего рескрипта и министерского циркуляра о том, что вотчинная полиция предоставляется помещику. Как ни тщится Салтыков построить свое дальнейшее рассуждение хотя бы по видимости благонамеренно, формулировки его продолжают звучать в стиле формулировок «Губернских очерков», а весь ход рассуждений идет к противоположному выводу, а не к тому, который вначале задал себе автор как будущий вывод статьи. Чего стоит только чисто щедринская краткая формулировка: «обязанности полиции не в том только состоят, чтобы наблюдать за выгодами помещика».

Далее Салтыков попадает в атмосферу чисто «щедринской» темы, десятки и десятки раз художественно разработанной на страницах его сатирических произведений. Это тема о «попечительном начальстве», заботливой и «отеческой» высшей власти и пекущейся день и ночь о благе обывателей полиции. Разумеется никакая даже самая мрачная и унылая академическая фантазия не сможет представить себе, чтобы автор «Губернских очерков» мог без иронии, а в смысле прямого и недвусмысленного рассуждения написать следующие строки:

«Представим себе помещика, сделавшегося полицеймейстером своего имения. В чем могут заключаться его полицейские права и обязанности относительно крестьян, кроме права наказывать крестьян за неисправное отправление господских повинностей? По общим законам обязанности полиции обнимают охранение православной веры и прав церкви, охранение общественной тишины и спокойствия, наблюдение за нравственностью, за ненарушением правил, предписываемых особыми уставами о паспортах, о производстве торговли, о народном здравии и т. п. Из числа сих обязанностей только одна, а именно: наблюдение за нравственностью и частью тоже одна: охранение общественной тишины и спокойствия предоставлялись доньше помещикам... Такой порядок вещей рационален. Вера, церковь, народное здравие, торговля — все это такие понятия, которые выходят из узкой сферы частных интересов, и как бы ни была велика сила обстоятельств, допускающих временное владычество частного на счет общего, тем не менее в сфере народной жизни все-таки найдутся такие явления, на которые нельзя смотреть иначе, как с высшей точки зрения, оставив в стороне все прошлое и случайное...»

Можно привести немало мест из художественных произведений Щедрина, написанных на ту же тему, что и это рассуждение, почерпнутое из чисто публицистического произведения Салтыкова. Вопрос о попечительном начальстве—чрезвычайно частая тема Щедрина.

«Благонамеренное» рассуждение Салтыкова о высоких задачах полиции должно было бы вести к следующему ряду выводов, чтобы доказать положение, сформулированное в начале статьи:

Помещик будет после освобождения крестьян полицмейстером своего имения.

Эта новая его обязанность лишь частично совпадает с обязанностями, которые он нес в своем имении в крепостную эпоху.

То новое, что возлагается на него по линии полицейского надзора, связано с высокими общегосударственными задачами.

В ПРОВИНЦИИ 1850-х гг.

Картина маслом М. Добужинского
Собрание художника, Париж

Эти высокие общегосударственные задачи не имеют ничего общего с наблюдением за личными выгодами помещика. Более того: помещик как представитель общегосударственных интересов будет действовать в явном противоречии со своими выгодами.

Отсюда проистекает то, что личные отношения крестьянина и помещика будут протекать в сфере высоких и не связанных с личными выгодами помещика «государственных интересов».

Следовательно: в личных сношениях крестьянина и помещика не будет иметь места продолжение крепостных отношений. Тезис «совершенно другое дело отношения личные», сформулированный в начале статьи, был бы доказан. В виде силлогизма этот только что изложенный ход рассуждений можно представить в следующем виде:

Предполагалось доказать:

Полиция преследует великие общегосударственные цели.

Помещик — полицмейстер в своем имении.

Помещик — представитель великих общегосударственных целей.

Но разумеется этот предлагаемый силлогизм потерпел немедленный крах. Его «доказательство» не удалось выдержать даже для видимости, не удалась даже «благонамеренная» форма. Автор сорвался на первой же посылке.

«Помещик, делаясь полицеймейстером своего имения, становится вместе с тем и органом общей государственной полиции и в этом качестве нередко должен будет найтись в явном противоречии со своими выгодами. Все это, как увидим далее, не только возможно, но и должно...»

Но «далее» нам не суждено увидеть ничего подобного. Салтыков оказывается во власти знакомой и привычной художественной темы о попечительном начальстве. Поэтому далее мы видим вещи совершенно неожиданные.

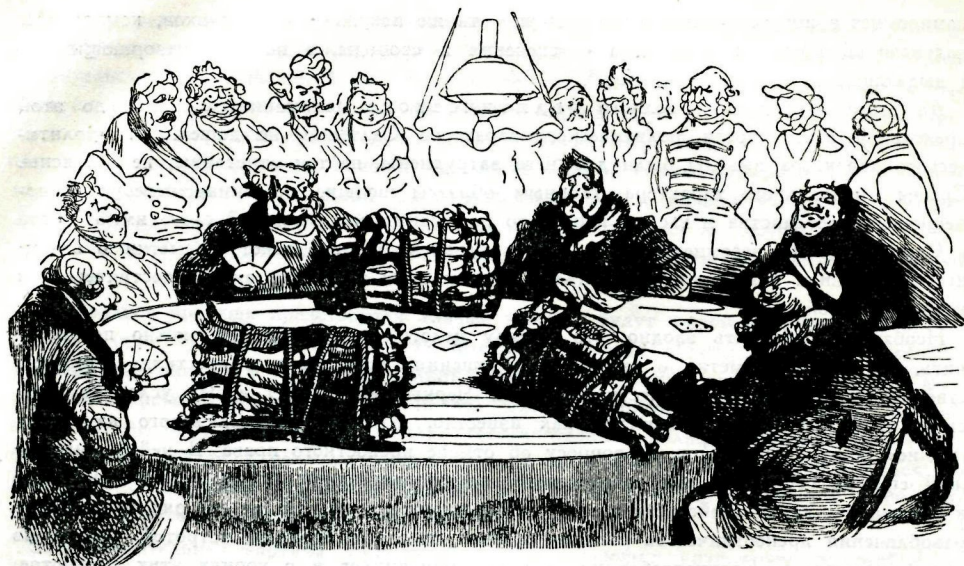
Прежде всего со всей решительностью утверждается, что суть полиции — крепостническая: «Как ни сильно пустило корни крепостное право во все общественные отношения, все-таки оно не могло проникнуть их до такой степени, чтобы связать с собой участь всего государственного организма, и овладело только одной самостоятельной частью, одной из отраслей государственного управления: полицией...» При крепостном праве, когда помещик распоряжался личностью крестьянина, это право полицейского надзора было им использовано в своих помещичьих интересах: «...все предметы полицейской деятельности так тесно между собой связаны, что нельзя уступить из них одного, чтобы прочие от этого не пострадали. Таким образом мы видим, что при возможности распоряжаться личностью крестьянина помещики мало-помалу сделались судьями и в делах, подлежащих ведению общей полиции, потому что нередко от произвола их зависит или отдать известное преступное действие на суд полиции, или ограничиться относительно его домашнею расправою». Для дальнейшей «доказательств» Салтыкову надо объявить это положение вещей «печальным» исключением из нормы, «злоупотреблением». Но дальше противоречие между подлежащим доказательству выводом и приводимой аргументацией становится еще разительнее. Ранее статья строилась таким образом, что Салтыков приводил возражения предполагаемого противника («Полагают, что... Но это толкование очевидно несостоятельно...», «Но, возражат нам... Согласны; тем не менее однако ж...» и т. д.). Вдруг в конце статьи предполагаемый оппонент начинает возражать Салтыкову... его же собственными исходными утверждениями. Этот оппонент говорит теперь в качестве возражений как-раз то, что надлежит доказать.

«Нам скажут, быть может, что помещик, делаясь полицеймейстером в районе своего имения, этим самым становится на ту общую точку зрения, которая необходима для того, чтобы исполнять полицейские обязанности, и сообразно с требованием закона и общих государственных нужд...»

Это и был как-раз основной вывод силлогизма Салтыкова.

Художник, творец гениальных сатирических произведений на тему о попечительном начальстве, пресекает нить рассуждений и, заговорив языком политика-публициста, дает этому воображаемому оппоненту резкий отпор. Нет, помещик не может быть ничьим иным представителем, как представителем интересов своего собственного класса. Он должен быть «полицеймейстером» своего имения именно в этом своем имении. По отношению к крестьянину он истец. Этим «истцом» он разумеется остается и тогда, когда рядится в тогу закона. Крепостное право будет царить после его «отмены» и в области личных отношений помещика и крестьянина. Именно эти — и только эти — выводы можно прочесть в иронически противоречивой «Заметке» Салтыкова:

«Мы и не отрицаем для помещика возможности лично стать на эту (т. е. «общегосударственную». — М. Н.) точку, но утверждаем, что эта возможность останется для него навсегда недостижимой, коль скоро он будет окружен теми условиями, в которые ставит его необходимость быть полицеймейстером именно той местности, к которой он привязан фаталистически. Не забудем, что именно здесь, а не в другой местности имеются у помещика к крестьянам отношения имущественные, которые

ЗА ЛОМБЕРНЫМ СТОЛОМ В РОССИИ

«Русские помещики заменяют ставки и играют сперва на свои земельные угодья, а потом и на людской инвентарь»

Карикатура из альбома Густава Дорэ «La Sainte Russie», Paris, 1854

могут беспрестанно ставить его в положение истца. Кто поручится, что помещик эти отношения не будет вносить в сферу своей полицейской деятельности? Очевидно, что приманка слишком привлекательна, чтобы большинство не устремилось к ней как к единственному средству, которое дает ему возможность по желанию и без хлопот устроить свои личные интересы».

«Силлогизм» Салтыкова оборвался на первой же посылке. Сатирическое разоблачительное содержание темы попечительного начальства заполнило рассуждение Салтыкова, разорвав форму официально-благонамеренных речей. В момент либеральной суеты вокруг рескрипта Назимову и циркуляра Ланского сатирик-чиновник особых поручений пришел к тем недвуслысенным выводам, что, несмотря на всю поднятую шумиху, крепостное право собираются сохранить, сохранить как в сфере имущественных (чрезвычайно «тесных») взаимоотношений помещика и крестьянина, так и в сфере взаимоотношений личных.

Немного позже великий революционер Чернышевский в своей прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» с предельной ясностью писал:

«Ждали вы, что даст вам царь волю, вот вам и вышла от царя воля. Хороша ли воля, какую дал вам царь, сами вы теперь знаете. Много тут рассказывать нечего. На два года остается все попрежнему: и барщина остается, и помещику власть над вами остается, как была...»

То, что с предельной ясностью формулировал Чернышевский, прозвучало бы для Салтыкова, если бы он узнал эту мысль прокламации раньше, знакомым выводом. (Подчеркиваю, что я говорю лишь о процитированном месте прокламации, а не о всей прокламации в целом.—М. Н.). То, что несколько путанно и затрудненно рождалось, проходя через ряд срывов и провалов, в политических «официальных» формулировках великого сатирика, то с блестящей отчетливостью и предельной ясностью формулировалось Чернышевским, назвавшим крестьянский выкуп «той же покупкой», а всю реформу в целом «мерзостью». Ленин говорит: «Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только в состоянии произвести «мерзость», жалкий

компромисс в интересах либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам»⁴.

До этого глубокого и полного политического понимания реформы, до этой предельной отчетливости политического характера Салтыков не дошел. Эти политического характера выводы были для него затруднены, не так отчетливы, не так ясны. Срывы либерального характера, главным образом шедшие по линии переоценки помещичьего государства и все же неполного понимания его классовой сути, имеют место у Салтыкова. Но несомненно одно, что публикуемый ниже текст «Заметки о взаимных отношениях помещиков и крестьян» все же идет по линии антикрепостнической и антидворянской.

Необходимо отметить заодно, что в силу целого ряда оснований можно предположить, что текст «Заметки о взаимных отношениях помещиков и крестьян» непосредственно перекликается с известной статьей Чернышевского «О новых условиях сельского быта». Эта статья явилась, как известно, откликом Чернышевского на «высочайшие» рескрипты 1857 г. по вопросу об отмене крепостного права. В ней Чернышевский еще не стоит на тех последовательно-революционных позициях по отношению к «реформе», какие свойственны ему в последующие годы. Но целый ряд тем резкого разоблачения крепостничества раскрыт в этой статье с большой остротой. Одной из них был вопрос о злоупотреблениях царских чиновников и о корнях этих злоупотреблений. Чернышевский приходил к выводу, что эти корни скрываются в том же крепостном строе и что без уничтожения последнего невозможно искоренение чиновничьих злоупотреблений: «Ненормальное положение владельца относительно людей, населяющих его землю, нуждалось в том, чтобы и все другие отрасли областной жизни находились в таком же ненормальном беспорядочном состоянии»... Все «чиновники и судьи избираются с тем, конечно, молчаливым условием, чтобы не вмешивались в сельский быт помещиков». Чиновничий произвол выгоден дворянству: дворяне не могут «подвергать «чиновника» серьезному отчету за то, что он действует самопроизвольно: только эту произвольность, по которой он постоянно нарушает закон, когда то считает удобным для себя, и сохраняется неприкосновенность их собственного сельского быта». Повидимому именно об этой статье Чернышевского прямо говорит Салтыков-Щедрин, когда пишет в своей работе «О взаимных отношениях помещиков и крестьян» такие строки: «Часто случается нам слышать мнение (а в недавнее время оно выразилось и печатно), что злоупотребления чиновников имеют своим источником тот же строй понятий и воззрений, которые служат основой для крепостного права». Если наше предположение правильно, то есть основания и для более точной датировки возникновения рукописи Щедрина, чем приведенная выше: работа Чернышевского «О новых условиях сельского быта» опубликована во 2-й книге «Современника» за 1858 г., цензурное разрешение на нее датировано 8 февраля 1858 г. (ср. Н. М. Чернышевская - Быстрова, Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, 1933 г., стр. 92), — иными словами *terminus post quem* рукописи Салтыкова падает при этих условиях примерно на конец февраля 1858 г.

Разумеется в заметке, предназначенной для печати, Салтыков мог говорить лишь «эзоповским языком, скрываясь за внешней «благонамеренной» формой речи. Под этим «эзоповским языком» мы ясно нащупываем в дальнейшем анализе текста Салтыкова две основные темы: одна антикрепостническая, антидворянская — это протест против «выдвинутого» правительством положения: «вотчинная полиция предоставляется помещику»; другая — соскальзывающая на либеральные позиции тема о земском («муниципальном») самоуправлении мест, противопоставленном полицейской власти помещика.

Первая тема разработана Салтыковым в дальнейшем тексте статьи с величайшей резкостью и страстностью. Вероятно именно в этой резкости и страстности — причина того, что статья опубликована не была. Действительно — высочайшие рескрипты и вообще все правительственные директивы с полнейшей ясностью оповещали о реше-

нии правительства предоставить вотчинную полицию помещику. Салтыков же, обрусываясь на это постановление, пророчил в своей «заметке», что в результате этого правительственного решения будет иметь место «положение фальшивое и вместе с тем едва ли не безнравственное». Если правительственный проект будет осуществлен, «мы не замедлим возвратиться к средневековым воззрениям на существо и значение правительственных учреждений». Захочет ли правительство сменить зарвавшегося «полицеймейстера в собственном имении», или предоставит ему и дальше совершать беззакония — в обоих случаях положение будет весьма странное, если не безвыходное.

Это «весьма странное» положение тут же рисуется Салтыковым в виде следующей картины:

«... странное ярелище представится глазам нашим: будут рядом существовать следующие полиции: полиция баршинских имений, полиция оброчных имений, полиция имений, выкупившихся с землей, полиция казенных имений, полиция удельных имений, находящихся на посессионном праве, полиция горнозаводских казенных имений и пр. И над всем этим носится общая государственная полиция, которая терется в этих подразделениях и недоразумениях, которая не может ни к чему приступить, не припоминая себе бездны различных изъятий, и которой действие на каждом шагу подрывается скрытыми действиями этих частных полиций».

Эта замечательная картина мятущихся и не узнающих друг друга полиций — хороший апофеоз темы о «попечительном начальстве». Но Салтыков этим не удовлетворяется и резко формулирует свой вывод, уже не прикрываясь никакими «картинами» и не прибегая к «эзоповскому языку»:

«Вот к каким результатам приводит нас буквальное толкование слов «вотчинная полиция предоставляется помещикам». И напрасно будут нам говорить, что такое облечение помещиков полицейской властью обязательно только на время переходного состояния: во-первых, ни из чего не видно, чтобы обязательность этого правила простиралась именно на двенадцать лет, а не далее, а во-вторых, подобное положение вещей не только на двенадцать лет, но ни на одну минуту не может быть терпимо». Разумеется статья с такими резкими выводами против правительственных директив не могла быть опубликована.

Но когда Салтыков в той же статье попытался противопоставить правительственному проекту «вотчинной полиции» свою положительную программу, он не смог пойти дальше утопического проекта «муниципального» земского управления с участием дворянства... лишенного права голосования по делам, «касающимся исключительно интересов крестьян»: дворянство по проекту Салтыкова имело право подать лишь совещательный голос по таким вопросам, как раскладка податей и повинностей, отправление рекрутчины, раздел семейств и земель и т. п. Право же решающего голоса по проекту Салтыкова предоставлялось дворянам наравне с прочими сословиями лишь в делах, имеющих значение для всей местности, как например в делах «общественного спокойствия» и «благоустройства», делах «по учреждению училищ, благотворительных заведений, ярмарок и т. п.» Утопический «муниципальный» проект Салтыкова связан, как видим, с лозунгом земства. «Земская реформа, — пишет Ленин в «Гонителях земства и аннибалах либерализма» (Соч., т. IV, стр. 129), — была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска».

В 1858 г., когда до земской реформы 1864 г. было еще довольно далеко, статья Салтыкова выбрасывала лозунг, который никак не мог понравиться правительству. Но несмотря на это, «муниципальный» земский проект Салтыкова не заключал в себе ничего революционного. Лозунг земства быстро становится классовым лозунгом либерального дворянства. В записке министра внутренних дел Ланского, поданной в 1859 г., отчетливейшим образом значилось, что одной из задач земской реформы является: «вознаградить дворян за потерю помещичьей власти». Проведение в жизнь этого положения и сделало земство «орудием укрепления самодержавия» по определению Ленина. Своей

положительной программой Салтыков еще раз подтверждает замечание Маркса, сделанное им на полях «Убежища Монрепо»: «Вообще автор не слишком счастлив в своих положительных выводах».

Этот отдельный пример разбора публицистической статьи Салтыкова показывает нам, насколько сложна оценка его творчества. Эта оценка необходимо складывается из целого ряда моментов, в которых с большой отчетливостью надо отграничить объективное значение творчества писателя от субъективного понимания Салтыковым того или иного момента в собственном творчестве или в окружающей его расстановке классовых сил. Объективное значение творчества Салтыкова часто или оставляется исследователями в стороне или смешивается с моментом субъективным. Часто последний субъективный момент является основной темой исследования о Салтыкове. Со всей решительностью надо поэтому подчеркнуть первостепенную важность вопроса об объективном значении творчества Салтыкова и безусловно вторичную, подчиненную, не решающую важность исследования субъективной стороны творчества и мировоззрения Салтыкова-Щедрина. Это не значит разумеется, что тема о субъективной стороне, о политическом мировоззрении Салтыкова не заслуживает внимания. Эта тема важна и должна быть изучена. Но она все же менее важна, чем первая.

Был или не был Салтыков субъективно либералом — это все же второстепенно перед степенью важности другого вопроса: какую объективную роль сыграли произведения (как художественные, так и публицистические) Салтыкова-Щедрина в классовой борьбе эпохи, в сложной расстановке классовых сил кануна «реформы», самих «реформ» и последующих за ними десятилетий. Щедрин — мастер области идеологической, его деятельность прежде всего — творчество произведений искусства, а произведения искусства — острые орудия классовой борьбы. На чьей стороне боролись созданные Салтыковым произведения, кому они служили, на какой стороне баррикады они сражались? Именно это — первый вопрос исследователя, а вопрос о субъективной стороне творчества — вопрос второй и не столь важный, как первый, хотя и второй вопрос значителен и заслуживает изучения.

Крепостное право и система крепостнических пережитков после реформы — основная тема творчества Щедрина. Именно из этой основной темы растет испепеляющая салтыковская сатира на весь самодержавно-крепостнический строй царской России. Бесспорно, что произведения Салтыкова боролись против этого самодержавно-крепостнического строя, боролись оружием исключительного по силе сарказма, сжигающей иронии, до корня разоблачающего гневного смеха. «Я до сих пор не всегда умею скрывать свои чувства, особенно если это чувства омерзения», писал Салтыков к Якушкину в конце мая 1861 г. «Омерзение» — это действительно меткое слово, которым хорошо передается эмоциональная сторона салтыковской сатиры. Самодержавно-крепостническая Россия была омерзительна Салтыкову. Борьба с крепостническими пережитками и с политическим сторожем этой крепостнической мерзости — самодержавием являлась задачей буржуазно-демократической революции в России. Разоблачая своей сатирой самодержавно-бюрократический строй, Салтыков боролся во имя задач, поставленных буржуазно-демократической революцией по линии антифеодалной. Борьба эта протекала в обстановке создавшейся накануне 1861 г. революционной ситуации. «1861 год породил 1905-ый», писал Ленин. От 1861 г. идет восходящая линия революционного движения к 1905 году. «Связь между 1861 годом и событиями, разыгравшимися 44 года спустя, несомненна и очевидна» (Ленин). Творчество Салтыкова-Щедрина — объективно — работало в огромной и сложной системе других революционных проявлений классовой борьбы и работало именно для того, чтобы 1861 год мог породить 1905-й. Отсюда величайшая, остро выраженная историческая прогрессивность, объективная революционность всего творчества Салтыкова-Щедрина в целом.

Эта историческая прогрессивность, революционность, участие художественных образов Щедрина в борьбе именно за то, чтобы 1861 год мог породить 1905-й, объяс-

няет и восторженный отзыв Чернышевского о «Губернских очерках» Щедрина. «Эта благородная и превосходная книга, — писал Чернышевский, — принадлежит к числу исторических фактов русской жизни. «Губернскими очерками» гордится и долго будет гордиться наша литература. В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя. Честно имя его между лучшими и полезнейшими и даровитейшими детьми нашей родины. Он найдет себе многих панегиристов, и всех панегириков достоин он. Как бы ни были высоки похвалы его таланту и знанию, его честности и проницательности, которыми поспешат прославлять его наши собратия по журналистике, мы вперед говорим, что все эти похвалы не будут превышать достоинств книги, им написанной»⁵.

Величайшая историческая прогрессивность, революционность произведений Салтыкова и послужила основанием того, как легко подняты в цитации Ленина и Сталина его сатирические образы на высшую ступень, на ступень идеологической борьбы уже не за ликвидацию крепостничества и самодержавия, а за разрушение всего эксплуататорского строя в целом, за уничтожение эксплуатации человека человеком, за осуществление задач пролетарской революции⁶. То новое содержание, которое вложено в щедринские образы цитацией Ленина, Сталина и Кагановича было облегчено высокой степенью исторической прогрессивности, объективной революционностью образов Салтыкова-Щедрина.

Итак — объективно — творчество Салтыкова-Щедрина работало на революцию. Идеологическая значимость, идеологическое воздействие сатирических произведений Щедрина были — объективно — революционны.

Эта сторона — самая важная. Менее важна по сравнению с ней субъективная сторона его творчества. Эта субъективная сторона конечно должна быть исследована. В общем анализе творчества эта тема очень значительна и интересна.

Публицистические произведения Салтыкова представляют драгоценнейший материал для разрешения этого вопроса⁷. Публикуемый нами текст как-раз близок по типу к произведениям этого рода. Уже анализ этого небольшого отрывка привел нас к выводу, что политическое сознание Салтыкова не вполне соответствует объективному революционному значению его произведений. Но в анализе текстов публицистического

«ПРОШЛЫЕ ВРЕМЕНА»

- Да помилуй, ваше благородие, где-ж возьмешь эку рыбу?
- Где, а в воде?
- В воде-то знамо дело, что в воде, да где ее искать-то в воде?
- Ты рыболов? Говори, рыболов ли ты?
- Рыблов-то я точно, что рыболов...
- А начальство знаешь?
- Как не знать начальства, за-всегда знаешь...
- Ну, следовательно...

Рисунок П. Анненского к «Губернским очеркам» из «Сына Отечества» 1857 г.

характера необходимо быть сугубо осторожным. В цензурных видах «эзоповский язык», столь хорошо знакомый Щедрину-сатирику, Чернышевскому и другим идеологам эпохи, конечно должен был тяготеть и над публицистическим текстом Салтыкова⁸.

Богатейший дополнительный материал для характеристики политического мировоззрения Салтыкова в эпоху «реформ» представляют собой его статьи 1861 г. И по своим датам, и тематически они тесно связаны с публикуемым отрывком: это статьи «эпохи реформ», разрабатывающие общие темы крестьянского «освобождения». Хронологически они отделены от опубликованного отрывка лишь трехлетним промежутком, который не знаменовал собою какого-либо значительного сдвига в политическом мирозерцании Салтыкова. Одним словом — это публицистика одной эпохи. Поэтому разбор ее с точки зрения анализа поставленных выше вопросов дает новый материал для наших выводов.

В 1861 г. в № 11 журнала «Наше Время» была помещена статья В. П. Ржевского «Несколько слов о дворянстве». Главной темой статьи был вопрос о мировых посредниках. М. Е. Салтыков ответил на нее статьей «Об ответственности мировых посредников» в «Московских Ведомостях» (1861, № 91 от 27 апреля). Ржевский написал «Ответ на статью г. Салтыкова об ответственности мировых посредников» в «Современной Летописи» в начале июня (1861, № 22). Последовавший за этим «Ответ г. Ржевскому» М. Е. Салтыкова был напечатан в той же «Современной Летописи» в конце июня. В. П. Ржевский не унимался и ответил вторично «Письмом к редактору «Русского Вестника» по случаю полемики с г. Салтыковым об ответственности мировых посредников» («Современная Летопись» 1861, № 30, июль). М. Е. Салтыков тоже не остался в долгу и написал ответ и на этот ответ, но это новое и, как оказалось, последнее звено полемики было так резко и с такой отчетливостью ставило точки над всеми политическими «и», что напечатать его не пришлось. К сожалению, рукопись этого замечательного последнего ответа Салтыкова до нас не дошла. Мы знаем ее содержание и отдельные цитаты лишь из «Материалов для биографии М. Е. Салтыков» К. Арсенева⁹. На этом и закончилась полемика с Ржевским¹⁰.

В то же время, частично попеременно с ответами Ржевскому, Салтыков опубликовал ряд других статей публицистического характера, объединенных одной общей темой величайшего политического интереса, представляющих собой драгоценнейший и прямотаки несравненный материал для исследования творчества Салтыкова. Эта тема — вопрос о крестьянских волнениях.

Революционная ситуация кануна 60-х годов вырвала у правительства куцые «реформы». Высоко поднявшаяся волна крестьянских восстаний кануна реформы вознесла на своем гребне революционное «просветительство» Чернышевского, сумевшего «через препоны и рогатки цензуры» провести в своих произведениях «идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (Ленин).

Мощная волна крестьянских восстаний ответила и на обман 19 февраля. Крупнейшее политическое значение имело знаменитое восстание в Бездне, расстрелянное царским сатрапом генерал-майором Апраксиным (по Герцену — Апраксиным «Безднинским») и вызвавшее известную речь историка А. Щапова на панихиде по расстрелянным безднинским крестьянам. Безднинское восстание произошло 12 апреля 1861 г. 15 апреля Апраксин уже получил приказ о суде над Антоном Петровым, а 19 апреля Антон Петров был расстрелян¹¹. Первая же статья Салтыкова в ответ на статью Ржевского датируется 27 апреля, а статья «К крестьянскому делу», не связанная внешне с ответом Ржевскому и посвященная всецело теме крестьянских волнений, датируется 30 апреля («Моск. Вед.» 1861, № 94). Хотя в статье по вполне понятным причинам нет прямого упоминания о Бездне, содержание ее не оставляет ни малейших сомнений, что тут мы имеем непосредственный отклик Салтыкова на безднинский расстрел. 11 июня, когда еще не пришла к концу правительственная переписка по делу о «возмутительной» речи Щапова, Салтыков публикует вторую статью на тему о крестьянских волнениях под заглавием «Несколько слов об истинном значении недоразумений по крестьянскому делу» («Моск. Вед.» 1861,

«ПРОШЛЫЕ ВРЕМЕНА»

— Что-ж, спрашивал что-нибудь городничий?
 — Спрашивал, что, дескать, они делают?
 — Ну, а ты что?
 — Спят, мол, известно, мол, что им делать как не спать. Ночью едешь — в карете спят, днем стоишь — на квартире спят.
 — Ты так и сказал?
 — Сказал.. отчего не сказать?
 — Ска-тина!

Рисунок: П. Анненского к «Губернским очеркам» из «Сына Отечества» 1857 г.

№ 128). Политическое значение этой статьи и ее тесная связь и с Бездной, и с общей волной крестьянского движения, вызванного «Положениями» 19 февраля, тем более несомненна, что на май и начало июня падает большое количество непрекращавшихся волнений в других местностях. Последней публицистической статьей Салтыкова, связанной с этим же кругом вопросов, но стоящей несколько особняком, является статья «Где истинные интересы дворянства», напечатанная в той же «Современной Летописи» за 1861 г. (№ 42, октябрь)¹².

Весь этот публицистический цикл Салтыкова остался в первичной публикации своей эпохи и нигде доселе не перепечатывался. Поскольку обе темы — крестьянские волнения и вопрос о мировых посредниках — теснейшим образом между собою переплетены, мы будем пользоваться одновременно всем циклом салтыковской публицистики 1861 г., не разграничивая резко обеих тем.

Основная задача наша — ответ на поставленный выше вопрос: в какой степени политическое мирозерцание Салтыкова эпохи «реформ» соответствовало объективно-революционному значению его художественно-сатирических произведений и какую политическую квалификацию можно дать его статьям 1861 года? Споставляя затем с этим циклом публикуемую в настоящем номере статью «О взаимных отношениях помещиков и крестьян», мы получаем ответ и на вопрос о линии политической эволюции Салтыкова 1858—1861 гг. Попутно мы получаем дополнительный материал для вопроса о частичных либеральных срывах Салтыкова и своеобразии его позиций в отдельных частных вопросах «эпохи реформ» («мировые посредники», роль бюрократии в «реформах», классовое определение понятия бюрократия). Кроме всего этого мы получаем ценный материал для разрешения одного интереснейшего вопроса: роль художественного образа в политической публицистике Салтыкова, — тема эта совершенно не исследована.

Под свежим впечатлением безднинской расправы, в атмосфере всеобщих слухов и толков о росте волны крестьянских восстаний и аракатеевских методов их подавления Салтыков видимо мучительно и глубоко задумывается над основным вопросом — вопросом о классовом антагонизме помещика-дворянина и только что раскрепощенного мужика. Он видимо вполне искренне пытается уловить, не будет ли действительно

каких-либо форм для «сближения» этих «сословий» после реформы, и в любом конкретном случае, где либеральная пресса со звоном и треском возвещает эту возможность, он после некоторого раздумья, конкретизировав вопрос, приходит к отрицательному выводу. С этой основной темой — темой классового антагонизма барина и мужика — теснейшим образом связывается вторая тема, тревожащая Салтыкова и с большой настойчивостью проводимая им через все его публицистическое творчество 1861 г., — это тема о государстве и бюрократии, вопрос об их социальном существе.

Статья либерала Ржевского, гнусная и чрезвычайно типичная для «народолюбивого» дворянина 60-х годов, в атмосфере только что свершонного безднинского расстрела конечно не могла не всколыхнуть Салтыкова. В одной из позднейших перечисленных выше статей, именно в статье «Где истинные интересы дворянства»¹³, Салтыков очень точно формулирует основную установку первой статьи Ржевского как приглашение дворянства воспользоваться «единственным в истории случаем» (т. е. реформой 1861 г.) для... утверждения своего политического преобладания над прочими сословиями.

Именно этой формулировкой Салтыков не только ухватил самую суть постановки Ржевским вопроса о мировых посредниках, но формулировал вообще центральную политическую идею либерального дворянства эпохи реформ: мы «уступаем» наше право владеть крепостными — мы должны быть вознаграждены расширением наших политических «прав». Доведенная до своего логического конца эта идея, как известно, легла в основу дворянской фронды 60-х годов и требования дворянской «конституции». В статье Ржевского разумеется (правительство уже расправилось с фрондерами Безобразовым и Унковским)¹⁴ нет столь прямых и «опасных» либерально-дворянских формулировок, но есть призыв к дворянству, как можно шире воспользоваться институтом мировых посредников для утверждения своего политического господства. «Плодотворной почвой» для политической деятельности дворянства является — по Ржевскому — «та огромная доля участия, которую правительство предоставило дворянству при осуществлении настоящего преобразования. Ключ к этому участию заключается в занятии трудных, но весьма полезных и даже почетных должностей мировых посредников». Независимость этой заманчивой должности — главная ее привлекательность для Ржевского: мировой посредник — восхищается Ржевский — «поставлен наряду с уездными предводителями дворянства и свободен от подчинения и подсудности кому бы то ни было, кроме правительствующего Сената». Под этот дворянский лозунг всемерного использования должностей мировых посредников подводится исключительно откровенная дворянская идеология «общечеловеческого» порядка: во-первых, дворянин потому должен утвердиться на политически-выгодной позиции мирового посредника, что он — образованный человек, а образованность и являлась-де всегда основанием для политического господства дворянина: «Наше дворянство ходом исторических обстоятельств было вынуждено искать своей силы в превосходстве образования». Занесшись в своей сословной гордости, Ржевский непременно разумеется «подкрепить» свою мысль ссылкой на дворянскую культуру:

«Начиная с фон Визина, Державина и Карамзина, целый ряд громких имен в литературе и в науках, как например: Жуковский, Батюшков, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Грановский, Тургенев, Милютин, Кавелин и множество других, принадлежит к тому классу, который мы называем дворянством, а все прочие классы, вместе взятые, не могут доставить и десятой доли подобного блестящего списка».

Эта цитата вызвала в дальнейшем особое возмущение Салтыкова.

Вся крепостническая идеология либерала Ржевского увенчивалась несравненным утверждением, что крепостное право было «тяжелыми узами для того самого класса, который был обязан им пользоваться»¹⁵. Легко себе представить, какое чувство омерзения вызвала в Салтыкове такая статья. Чувство омерзения, по его собственному признанию, ему было труднее всего скрыть. Появился ответ Ржевскому под заглавием «Об ответственности мировых посредников»¹⁶.

Основное содержание ответа Салтыкова можно формулировать так: ни в коем случае воли мировым посредникам давать не надо, ибо они — те же дворяне. Необходимо строжайшим образом требовать от них ответственности за их действия. Мировым посредником будет тот же помещик, полный традиций крепостной эпохи, — среди дворян еще живет «дух распушенности», обычаи «удальства, кумовства и всенипочемства, от которых мы еще долго не отделаемся». Дворянский аппетит к должности мирового посредника, по мнению Салтыкова, сильно разожжется высоким окладом по этой должности:

«Нет, сущность дела остается для нас чем-то посторонним, чем-то таким, что придет само собою, без особых с нашей стороны усилий; главный же вопрос заключается в окладах и преимуществах, присвоенных должности. «Сколько жалованья?» — вот вопрос, повторяемый толпою искателей, вот магическое слово, производящее переполох даже в таких людях, которые давным-давно отказались от всякой общественной деятельности и не прекратили дружественных сношений только с самыми близкими соседями: Сопиковым и Храповицким».

Вообще, по мнению Салтыкова, все помещики, а стало быть и все будущие мировые посредники могут быть разделены на два типа — самодуров и «мечтателей», не умеющих взяться за дело («Типы, подобные гоголевскому Констанжогло, не удавались именно потому, что они не были вызваны жизнью, а скорее навязываемы ей», замечает Салтыков). Выбор мировых посредников останется в руках той же крепостнической дворянской провинции, сумеющей как следует отобрать своих ставленников. Это место в салтыковских рассуждениях чрезвычайно ответственно — это момент, доказательство которого фактически утверждает мирового посредника именно как представителя своего, дворянского класса. Доказательство этого положения незаметно соскальзывает у Салтыкова в привычную для него сферу художественного образа. Губернатора, выбирающего мировых посредников из поданных дворянством губернии списков, осаждают со всех сторон. «Не дремлет Матрена Ивановна, не дремлет советник Стрекоза — оба неустанно строчат рекомендательные письма. Первая рекомендует своего protégé по причине *comme il faut*, второй своего за скромность, за то, что он

«ПРОШЛЫЕ ВРЕМЕНА»

— Раздевайся...

— Да у меня, батка, плечом совсем здоров, — уж пятым неделем здоров.

— А это видишь? Видишь, идолопоклонник, ты этаким, указ видишь, лечить тебя велят.

Рисунок П. Анненского к «Губернским очеркам» из «Сына Отечества» 1857 г.

с молодыми молод, со старыми стар. Матрена Ивановна хорошая женщина и отличные готовят у нее пироги; Стрекоза напоминает в письме о приятных минутах, проведенных вместе тогда-то и там-то, и заверяет, что минуты эти оставили неизгладимое впечатление в его сердце. Да, трудно, неловко отвечать отказом на такое учтивое, в душу лезущее приставанье; а если прибавить к этому еще потребность уживаться, столь многими принимаемую как высшее выражение административной дальновидности, если взять в соображение естественное пристрастие к лицам, с которыми часто обращаемся в обществе, то возможность и даже необходимость ошибок и увлечений в выборе лиц делается очевидною».

Образ этот — типично салтыковский образ дворянской провинции — входит в публицистическую статью, подчеркивая враждебную дворянскому либерализму политическую позицию Салтыкова. Образ и здесь, как и в других публицистических статьях Салтыкова, — сила, тянущая его к политически-левым позициям, закрепляющая его положение на противоположной либеральному дворянству стороне баррикады.

Итак, установка статьи Салтыкова — против дворянского либерализма; статья разоблачает дворянскую классовую суть мировых посредников. Но эта установка сопровождается рядом срывов либерального характера; во-первых, Салтыков, требуя надзора за мировыми посредниками, готов поручить этот надзор представителям государственной власти, чиновникам, не давая себе в данный момент отчета в крепостнически-дворянском характере власти; во-вторых, Салтыков поэт панегирик крестьянской реформе. Правда, панегирик этот сильно смахивает на цензурный «картон», бывший в те дни трафаретнейшей и примелькавшейся фиоритурой всей публицистики 1861 года. Вот пример подобной формулировки в разбираемой статье Салтыкова: «великое дело освобождения, которому положено ныне столь счастливое и столь многожеланное основание». Нельзя представить себе, чтобы Салтыков вклеил в эту трафаретную фиоритуру слово «счастливый» без иронии — уж какое там «счастливое» основание после Бездны! Поэтому последнюю вставку — панегирик реформе — мы склонны считать в данном контексте именно за трафарет, не имеющий в анализе салтыковских воззрений серьезного значения. Но замечание о государственном надзоре за мировыми посредниками значительно серьезнее, хотя Салтыков в конце статьи и выдвигает проект организации съездов мировых посредников, протекающих в обстановке полной гласности и обсуждения действительных мировых посредников. Эта апелляция к гласности конечно противопоставлена в изложении Салтыкова Сенату и прочему государственному надзору, но либеральной сути срыва это конечно не меняет.

Вероятно немедленно, в те же апрельские дни, полные разговоров о Бездне, Салтыков пишет вторую свою статью «К крестьянскому делу»¹⁷, где вопрос о крестьянских волнениях является центральной темой: ответ Ржевскому, о котором только что шла речь, напечатан 27 апреля, а только что названная статья — 30 апреля.

Тут, с самого начала, мы встречаемся с той же особенностью, которую отметили и в публикуемом документе «О взаимных отношениях помещиков и крестьян»: с ироническими утверждениями, отрицающими самоочевидные вещи, и с прямыми противоречиями, резко бьющими в глаза. Конечно в атмосфере слухов и толков о безднинском расстреле, когда говорились агитационные противоправительственные речи на панихидах по убиенным в Бездне, когда студенчество сочиняло стихи, клеймящие Апраксина, когда уже становилось нарицательным имя Дренякина¹⁸, нельзя понять иначе как саркастическую следующую фразу Салтыкова: «То спокойствие, с которым встретили крестьяне столь давно желанную весть об отмене крепостного права, служит достаточным ручательством, что с их стороны нельзя опасаться в будущем беспорядков». Прочтите теперь следующую за этой фразой, непосредственно примыкающую к только что процитированной: «Нельзя отвергать, что в некоторых помещичьих имениях, где в особенности чувствительно заявляло себя действие крепостного права, недоразумения не только возможны, но даже и естественны как вследствие уже упомянутых нами причин, так и вследствие неясного понимания силы и значения законодательства, дающего права массе, до сих пор бесправной».

«ГОРЕХВАСТОВ»

Рисунок М. Вашилова к «Губернским очеркам», литографированный П. Борелем
 «Художественный Листок»
 1868—1869 гг.

Прямое, резко сопоставленное и не только неприкрытое, а отчетливо подчеркнутое, нарочитое противоречие этих утверждений бросается в глаза. Фраза первая: беспорядков нельзя опасаться, беспорядков не будет. Фраза вторая: беспорядки не только возможны, а даже естественны. Бесспорно, что первое утверждение — цензурный «картон». Второе — основное.

Чтобы понять, почему это второе утверждение необходимо квалифицировать как явно связанное именно с антидворянской и антиправительственной стороной баррикады, надо вспомнить позиции либерального дворянства в 60-х годах по вопросу о крестьянских волнениях.

Позиции эти можно кратко охарактеризовать так: волнений, собственно, нет. Волнения раздуваются грубыми правительственными агентами и ими провоцируются. «Волнуются» крестьяне по «недоразумению», вовсе не собираясь ни обижать помещиков, ни идти против царя. На первое место либеральное дворянство ловко выдвигало взамен действительного классового антагонизма помещика и крестьянина другой, свежесозобретенный «антагонизм» либерального дворянина и бюрократии. Этот «антагонизм» имел свой остро звучащий для дворянства той эпохи политический эквивалент: дайте распоряжаться нам, либеральным дворянам, а не бюрократам, не Апраксиним, а Арцимовичам¹⁹, и мировая с помещиками, на которую якобы вполне согласен «народ», будет полностью осуществлена. Все зло-де не в грабительском дворянском существе реформы, вызывающем волнения, а в грубости царской бюрократии и ее «неумении» обращаться с «народом». Эта классовая концепция прикрывала лишь аппетит к дворянской «конституции», разыгравшийся у фрондирующего дворянства эпохи «реформ».

Поэтому утверждение об «естественности» волнений явно било по либеральной дворянской концепции волнений. В этом утверждении вновь приходит на помощь Салтыкову сатирический художественный образ, действующий и тут в смысле революционным, тянущий его вывод к антидворянской стороне баррикады. Образ этот находится уже в следующей статье Салтыкова по вопросу о волнениях, в статье «Несколько слов об истинном значении недоразумений по крестьянскому делу»²⁰, с него и начинается

статья. Этот образ настолько ярок и художественно силен, что необходимо привести целиком весь этот давно забытый и ни разу не переиздававшийся салтыковский текст, известный лишь специалистам:

«Представьте себе несчастного петербургского чиновника, который в течение тридцати и более лет своей службы ежедневно прохаживался из Галерной гавани в тот департамент, где он имел честь состоять писцом, и который давным-давно забыл мечтать о том, что есть на свете места помощников столоначальника, дающие человеку возможность износить в год лишнюю пару сапог; представьте себе этого чиновника, с надсаженною грудью, с поблекшим сердцем и с посрамленною вечным механическим трудом душою, и потом предположите, что этот забытый и загнанный судьбою человек совсем неожиданно получает известие, что где-то в Якутске скончался некто Прижмистый, который доводится ему чем-то вроде седьмой воды на киселе, и что по этому случаю ему достается наследство в миллион рублей. Как поступит, как поведет себя бедный труженик?»

«Что касается до меня, то я живо представляю себе его поведение. Прежде всего, думаю я, он не поверит полученному известию, и сомнения его рассеются уже тогда, когда объявляющий ему эту весть квартальный поручик назовет его «сиятельством». Потом, я полагаю, что он сочтет первым делом нагнать своему столоначальнику и не встать с места при появлении начальника отделения. Потом он примется переписывать брошенную ему на стол бумагу, но работа пойдет худо и не скоро, и он, не окончив ее, сбежит из департамента туда, в свое отечество, в свою любезную гавань. Там он, что называется, закричит благим матом, созовет товарищей своего прежнего безотрадного существования и учинит дебош, о которой долго между гаванцами будут переходить из рода в род преувеличенные рассказы.»

«С точки зрения людей благонамеренных, мой бедный загнанный герой конечно должен бы поступить совершенно иначе. Он должен бы был прежде всего отправиться в храм Божий, потом сходить в баньку и вымыться, потом отправиться к своим добрым начальникам и испросить у них отпуска, потом пожалуй созвать своих сослуживцев и т. д. Одним словом, тихо и добропорядочно совлечь с себя ветхого человека и кротко и не брыкаясь прокрасться в новую жизнь.»

«И тем не менее я отнюдь не удивляюсь, что герой мой идет не в баню, а в трактир, не просит отпуска, а бежит с поля сражения самовольно. Не удивляюсь я по следующим, довольно основательным в моих глазах причинам. Во-первых, думаю я, в жилах этого человека течет кровь, а не слякоть; весть, которую он получил, так доброгласна, что сердце невольно в нем заиграло, а в таком расположении души что может быть естественнее, как подпрыгнуть до потолка и показать, в некотором роде, язык своему прошедшему? Во-вторых, я не упускаю из вида и того, что в Галерной гавани о приятных и приличных манерах имеются понятия весьма смутные и что тамошнее *comme il faut* совсем не похоже на *comme il faut* Английской набережной; следовательно, рассуждаю я, отчего же герою моему не напиться отечественного, не отпраздновать своей радости по-своему, сообразно с теми привычками, на которые указывает вся проведенная доселе им жизнь?»

Прилагая этот образ к положению крестьян после реформы, Салтыков пишет в той же статье:

«Конечно было бы приятно и весело слышать, что крестьяне, выслушав эту весть, оделись в синие армяки, а крестьянки в праздничные сарафаны, что они вышли на улицу и стали играть хороводы, что, проиграв кротким манером до вечера, спокойно разошлись себе по домам и заснули сном невинных, с тем, чтобы на другой день вновь благоправно приняться за исполнение старых обязанностей. Но, увы! как ни соблазнительна подобного рода идиллия, едва ли однакожь она возможна на деле.»

Непосредственно к описанию поведения чиновника, получившего наследство, примыкает анализ этого образа, даваемый самим Салтыковым. Анализ этот чрезвычайно любопытен. С одной стороны, в нем налицо несомненный либеральный срыв, соскаль-

зывание на либеральные позиции, а с другой — внезапное и резко противоречащее первому утверждение, что крепостная реформа собственно оставляет мужику полную возможность даже жалеть о минувшем крепостном праве. Это последнее предположение связано с тем утверждением, что, собственно говоря, крепостничество после реформы осталось и даже не в горшей ли для крестьянина форме? Напомним, что эта характеристика пореформенного положения крестьянства полностью совпадает с установками публикуемого в настоящем номере документа «О взаимных отношениях помещиков и крестьян». И там фактически говорилось, через сеть маскировки и столкновения противоречивых утверждений, что «воля»-то, собственно говоря, попрежнему оставит в целости крепостные отношения. Формулировка этого последнего вывода в разбираемой

АРИНУШКА

Рисунок М. Башилова к «Губернским очеркам», литографированный П. Борелем
Художественный Листок» 1868—1869 гг.

сейчас статье дана Салтыковым в остро саркастической форме и развивает дальше только что обрисованный образ чиновника, получившего наследство:

«Поведение героя моего тем более кажется мне естественным, что оно безобидно, что, в сущности, оно даже не задевает никого. Я убежден, что пройдут дни увлечения, выбродятся дрожжи, произведшие первое брожение, — и жизнь попрежнему войдет в естественную свою колею. Кто знает? Быть может прежняя, нудная гаваньская жизнь будет представляться ему даже в розовом цвете? Быть может, попривыкнув к явствам Донона и беседуя с бывшим своим сослуживцем, не получавшим наследства и потому живущим еще в гавани, он даже вздохнет полегоньку и скажет: «а ведь вы, каналы, там очень счастливы, а гавани-то?» Кто знает?»

В этом тексте налицо два утверждения: либеральное дворянское мнение о якобы «безобидности» крестьянских волнений и революционное, идущее по линии Чернышевского утверждение о крепостном характере «реформы», по существу не меняющей положения эксплуатируемого помещиком крестьянства.

В формулировках общего вывода также несомненно соскальзывание на либеральные позиции. Салтыков говорит о желательности «сближения» помещика с крестьянином:

«...всякий благомыслящий человек согласится, что в настоящее время все усилия должны быть направлены к тому, чтобы предпринятая правительством реформа прошла спокойно, без потрясений, и чтобы плодом ее было сближение двух заинтересованных в деле сословий, а не разьединение их».

Заметим сейчас же, что эта апелляция к «сближению сословий», черным по белому напечатанная от имени самого автора-Салтыкова в разбираемой сейчас статье, через два года (1863) зло просмеяна тем же Салтыковым в едком «летнем фельетоне» под названием «В деревне»²¹, в следующих строках:

«Итак, если нет грибов, если воздух сух и душен, что остается делать в деревне землевладельцу? Ему представляется отличный случай наблюдать за нравами простолюдинов, приобщаться к их играм и забавам и вообще затеять в обширных размерах игру в сближение сословий...»

Далее следует замечательное описание этой игры и ее печального конца,— все кончается тем, что

«если в вас осталась хоть капля совестливости, вы повертите, повертите тросточкой и уйдете, поджавши хвост, домой. Отсюда правило: не затевай игру в сближение сословий, ибо такая попытка поведет лишь к бесплодной трате времени, конфузу и позднему раскаянию».

Возвращаясь к разбираемой статье, мы опять отмечаем, что несколько ниже автор вновь сталкивает лбом два противоречивых положения. Крестьянские волнения, по мнению Салтыкова, необходимо должны по самому своему свойству «притупиться и уступить обычному трезвому ходу жизни». Несколько ниже следует в корне противоположное утверждение: безгласность крестьян и злоупотребления помещиков после реформы могут иметь место. «И здесь-то именно может заключаться, по нашему мнению, единственный источник столкновений действительных и серьезных, против которых могут оказаться бессильными всякие убеждения».

Иными словами: крестьянские волнения несерьезны и обязательно прекратятся. Крестьянские волнения серьезны и будут продолжаться. И эти два утверждения — в непосредственной близости! Салтыков заканчивает свою статью опять-таки требованием гласности и судебного разбирательства дел о крестьянских волнениях, что якобы прекратит административные расправы с крестьянами. Статья заканчивается многозначительной апелляцией к «проницательному читателю», что, как известно, было в эпоху 60-х годов прямым указанием на двойной смысл статьи — цензурный и для «друга читателя».

«Проницательный читатель поймет, что утвердительное или отрицательное решение этого последнего вопроса отнюдь не чуждо тому, что составляет главный предмет настоящей статьи».

Под «этим последним вопросом» разумеется гласное судопроизводство по крестьянским волнениям.

Позиции Салтыкова в публицистических статьях по вопросу о крестьянских волнениях важно сопоставить с его отношением к тем конкретным случаям крестьянских волнений, с которыми он сталкивался во время своего тверского вице-губернаторства.

В переписке Салтыкова остались важные свидетельства об его отношении к крестьянским волнениям Тверской губ. в 1861 г. Приведем два чрезвычайно характерных текста. 11 мая 1861 г. Салтыков писал Якушкину из Твери:

«...Крестьянское дело в Тверской губернии идет довольно плохо. Губернское Присутствие очевидно впадает в сферу полиции, и в нем только и речи, что об экзекуциях. Покуда я ездил в Ярославль, уже сделано два распоряжения о вызове войск для экзекуции. Крестьяне не хотят и слышать о барщине и смешанной повинности, а помещики, вместо того чтобы уступить духу времени, только и вопиют о том, чтобы барщина выполнялась с помощью штыков. Я со своей стороны убеждаю, что военная экзе-

куция мало может оказать в таком деле помощи, но как лицо, постороннее занятиям Присутствия, имею успех весьма ограниченный. Впрочем я с своей стороны подал губернатору довольно энергический протест против распоряжений Присутствия и надеюсь, что на днях мне придется слететь с места за это действие. Всех хуже действует, всех громче и настоятельнее говорит о необходимости экзекуции Коробьин, с которым я даже перестал кланяться из-за этого...»

В конце мая 1861 г. Салтыков вновь писал Якушкину о крестьянских волнениях:

«...Крестьянское дело идет в Тверской губернии столь же плохо, как и в Ярославской. В течение мая месяца было шесть [зачеркнуто: «четыре»] экзекуций: в одной выпорол 17 человек, в другой троех, в третьей двоих; в трех случаях солдатики постояли-постояли и ушли. Но с тех пор, как вступили в должность мировые посредники, потребность в экзекуциях начинает ослабевать. Гр. Баранов очевидно действует таким образом по слабости рассудка; им совершенно овладел Коробьин, который рассвирепел ужасно и с которым вследствие сего я перестал кланяться. Вам быть может покажется ребячеством с моей стороны подобная штука, но увы! Я и до сих пор не всегда умею скрывать свои чувства, особенно если это чувства омерзения. Свирепость Коробьина произошла от того, что он получил известие, что в Михайловском уезде (Рязанской губ.), где у него находится имение, крестьяне ворвались в Земский суд и стоптали исправника. Отсюда ярость, отсюда приурочение личной боязни к принципу общему. «Это они пробуют свои силы» — вопиет Коробьин. «Свои силы» — бессознательно повторяет Баранов и вслед за этим краснеет. И, несмотря на свою стыдливость, посылает команды. Я пытался усовещивать его, подал даже формальную бумагу с доказательствами нелепости его действий; но и тут Коробьин подпакостил: «пускай, говорит, волнуется, а вы идите себе своей дорогой: вас, говорит, за бездействие власти под суд отдадут». С тех пор Баранов встречается со мной и краснеет, краснеет и посылает команды».

«Об Арнаутэвском погроме нам кое-что известно и здесь. Командир полка, бывшего на экзекуции, доносил начальнику дивизии (полк квартирует в Кашине), что один эскадрон еще оставлен в имении с таким распоряжением: выводить людей каждый день

ШЕДРИН У ЖИВНОВСКОГО

Рисунок М. Вашилова к «Губернским очеркам» 1868—1869 гг.
Третьяковская Галлерея, Москва

на барщину и каждый же день резать по крестьянской корове на мясные порции. Дубельт, перед отправлением в экспедицию, был в Твери и говорил другу своему Баранову: «я стрелять не стану, а только всех их кур и коров передую». И Баранов ничего, даже не замаяхнулся на своего друга, даже не назвал его сукиным сыном. Я слышал это от очевидца, которому можно дать полное вероятие».

В июне 1861 г. появился в печати ответ Ржевского Салтыкову по вопросу о мировых посредниках²². Перебрав в целях издательства салтыковские мысли о мировых посредниках, Ржевский, играя на модном противопоставлении либерального дворянина бюрократии, всячески стремится приписать Салтыкову защиту последней. Салтыков-де более всего хлопочет об облегчении губернаторов, стремится всячески ущемить бедных мировых посредников, пекущихся об общем благе, следовательно сам Салтыков никто иной, как бюрократ. Важно подчеркнуть, что эта статья Ржевского — не что иное как лай на Салтыкова с либерально-дворянских позиций. Несмотря на частичные либеральные срывы Салтыкова, либералов не обмануло их классовое чутье. Они отлично учуяли врага в Салтыкове и, учуяв врага, не замедлили донести на него по начальству. В этом доносе, как солнце в малой капле вод, отразилось предательское существо либерального российского дворянина: бюрократия царская — «враг», но чуть где запахнет революцией, либерал прячется под крыло этого самого «врага» и строчит политический донос именно ему. Салтыков приравняется Ржевским к «комиссару Ледрю-Роллена» и Бабефу и обвиняется в том, что разделяет убеждения социализма. Вот это замечательное место статьи Ржевского:

«...результат совершенно одинаков, из какого бы принципа ни происходило нарушение справедливости, стеснение личной свободы, оглушение народа, и все то, в чем крайние партии так охотно подают друг другу руку. Между безответственным комиссаром Ледрю-Роллена и пашою азиатского деспота я не нахожу никакого различия, кроме разности в костюме, форме, обстановке и т. д. Для того чтобы действия лиц, облеченных властью, были полезны, необходимо, чтобы эти лица, действовали, во-первых, беспристрастно, во-вторых — разумно. Я полагаю, что материальный достаток и образование скорее облегчают, нежели затрудняют достижение этих условий. Мне очень хорошо известно, что существуют две школы, которые думают противное, это школа француза Бабефа и русского полковника Скалозуба. По их мнению, чем человек беднее и неразвитее, тем он полезнее как общественный деятель. Не пускаясь в опровержение мнения этих передовых людей, я только заявляю, что я его нисколько не разделяю...

«Желая присказать какое-либо оправдание тому заблуждению, в которое впал автор статьи об ответственности мировых посредников, я полагаю, что он увлекся направлением известной школы реформаторов, желающих во что бы то ни стало благодетельствовать низшим классам».

В «Ответе Ржевскому» Салтыков дал блестящую отповедь этим «полемиическим» приемам своего оппонента. Общая характеристика этой «полемиической» манеры противника подлинно по-салтыковски блестяща:

«Когда покойный Ф. Булгарин, — пишет Салтыков, — намеревался уязвить кого-нибудь из современных ему писателей, то руководился при этом следующим любезным правилом: подбери из сочинений подлежащего уязвлению автора несколько отрывочных фраз без всякой связи с последующим и предыдущим, оболги автора по мере убогих сил своих и затем придай статье своей форму доношения».

Далее, в примечании, Салтыков дает Ржевскому отповедь и по линии его дворянской апелляции к культуре и ее представителям — Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Тургеневу и другим, которые, по мнению Ржевского, самим фактом своего дворянства обосновывают исконную дворянскую «образованность» и стало быть дворянское право на политическую власть: «Вот одно из доказательств, на котором г. Ржевский строит свою теорию о праве дворянства на политическое преобладание в государстве. По-нашему, это не право, а только средство, равно доступное каждому сословию. И притом, что это такое: упрек ли, сожаление ли, или просто оскорбление? Если это упрек, то справедливость требовала разъяснить и причины, вследствие которых «прочие классы» не могли

«ПОМПАДУРЫ»

Литографированный рисунок А. Лебедева из альбома «Шедринские типы», издание «Стрекозы» 1880 г.

выделить из себя столько замечательных деятелей, как дворянство, и тогда быть может упрек пал бы сам собой.

Далее в этой же статье с великолепной отчетливостью Салтыков формулирует тот самый вывод, которого ему мучительно нехватало в начале полемики, — вывод о классовом существе бюрократии. Как бы ни была обособлена бюрократия, — она все-таки то же самое дворянство.

«Где взяли, откуда вывели эти господа русскую бюрократию, отдельную от русского дворянства, — это тайна, разгадку которой следует искать в трущобах сердец поздравских». И далее, с полнейшей ясностью, Салтыков формулирует: «чиновничество (дворянство то жь)».

Это утверждение Салтыкова и является центральным пунктом в новом ответе ему Ржевского²³. Сыр-бор загорается конечно по случаю отождествления дворянства и бюрократии. Значение этого салтыковского отождествления можно понять лишь учтя ту огромную политическую остроту, которую имел в тот момент придуманный либералами «антагонизм»: «бюрократ — либеральный дворянин». Салтыков своим разоблачением классовой сути царской бюрократии попал в самое политическое сердце идеологии фрондирующего либерального дворянства 60-х годов.

Ответ Салтыкова на этот новый выпад Ржевского остался неопубликованным. Но те цитаты его, которые приведены в «Материалах для биографии М. Е. Салтыкова» К. Арсеньевым, поистине замечательны. Из предыдущих статей Салтыкова было ясно, что он вплотную подошел к формулировке классовой сути царизма. Он уже определил бюрократа как дворянина. Возражая определению бюрократии, данному Ржевским, Салтыков пишет: «Гораздо справедливее и проще было бы сказать, что бюрократия представляет собою в государстве орган центральной власти, которая в свою очередь служит представительницей интересов и целей государственных». Подставим в эту салтыковскую формулу ранее данное им значение «неизвестного» — «чиновничество (дворянство то жь)» — и мы уже почти имеем классовое определение существа царизма. Поскольку мы не имеем подлинника этой статьи и пользуемся чужой цитацией, по этому вопросу больше нельзя ничего сказать. Но о том, как близко подошел Салтыков к формулировке революционных лозунгов своей эпохи, свидетельствует еще одна цитата, приводимая К. Арсеньевым из того же последнего ответа Ржевскому. Ржевский обвинял Салтыкова в том, что он не уважает общественного мнения. Возражая, Салтыков говорит, что не всегда подобает играть роль Молчалина по отношению к общественному мнению: «Бывают общества, где эксплуатация человека человеком, биение по зубам и пр. считаются не только обыденным делом, но даже рассматриваются местными философами и юристами с точки зрения права. Благоговейть перед мнениями таких обществ было бы не только безрассудно, но и бессмысленно». Столь блестяще и отчетливо выраженная мысль Салтыкова конечно не нуждается в комментариях.

Заметим, что и самый венец либерально-дворянских мечтаний — дворянская «конституция» — подвергался неоднократно сатирическому обстрелу Салтыкова. Дворянские проекты в духе Н. Безобразова просмеяны в рассказе «Культурная тоска», где имеется знаменитое приравнение конституции к «севрюжине с хреном», позже использованное не раз Лениным и вообще широко распространившееся в революционных кругах (герой рассказа никак не определит точно, чего ему хочется — «не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать»). Заметим, что в 1863 г. Салтыков дает чрезвычайно ядовитое сатирическое изображение «дворянской конституции» в «летнем фельетоне» под заглавием «В деревне», не вошедшем в его собрание сочинений²⁴. Тут убийственно-едко описана «конституция», введенная в своей деревне помещиком Многоболтаевым.

Мы подошли к итогам.

Политическое мирозерцание Салтыкова эпохи 1858—1861 гг. звучит не вполне в унисон с объективно-революционным значением его художественных произведений. Салтыков-публицист эпохи «реформ» имеет либеральные срывы, дает целый ряд политических формулировок, тождественных или близких либерально-дворянскому, лагерю.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ
БОРИСА ГРИГОРЬЕВА К «ТЕТУШКЕ
АНФИСЕ ПОРФИРЬЕВНЕ» ИЗ
«ПОШЕХОНСКОЙ СТАРИНЫ», 1923 г.

Эти срывы идут чаще всего по линии либерально-буржуазной оценки государства как некоей надклассовой силы, по линии переоценки «земства» и «гласности». Но либерально-дворянский лагерь отнюдь не желал признать Салтыкова за «своего», в резкой форме полемизировал с ним и доносил на него правительству как на «социалиста». Это было связано с общей антидворянской и антиправительственной линией салтыковской публицистики, хотя и соскальзывающей подчас на чуждые ей классовые позиции.

В тесной связи с изложенным выше стоит вопрос о роли художественно-сатирического образа в салтыковской публицистике. Этот образ, как правило, является ведущей силой по линии правильных, революционных по существу политических установок. Художественный образ в публицистике Салтыкова — сила, тянущая к революционной формулировке, а не к либеральному срыву. Там, где в тексте публицистической статьи начинает работать художественный образ, — полнее политическое звучание антидворянских формулировок, заостреннее антикрепостническая тенденция.

Особо надо остановиться на вопросе о крестьянской революции. Салтыков считал крестьянские восстания против помещиков «естественными», что резко било по либерально-дворянской концепции крестьянских восстаний, разоблачало либерально-дворянское замазывание основного классового антагонизма эпохи — помещика и крестьянина. Но он решительно не мог видеть в восставшем крестьянине решающей и основной революционной силы. История показала, что он был прав. Пролетариат — единственный до конца революционный класс, руководитель крестьянства в его революционной борьбе — еще не выступил в то время как решающая сила на историческую сцену. Салтыков не видел и не мог видеть в 60—70-х годах прошлого века пролетариата как гегемона революционного движения. Салтыков не верил в революционное движение крестьянства его эпохи. Это глубочайшее его убеждение своеобразно отразилось в его художественном творчестве. Огромнейшее место занимает в нем проблема крестьянской пассивности. Безысходная покорность вековому угнетению, забитость, приниженность, бездеятельное, страдательное перенесение эксплуатации — это одна из центральнейших салтыковских тем, особенно ярко развивающихся в творчестве Салтыкова после 1861 г. Этот факт — не что иное как преломление в творческой призме Салтыкова краха революционной ситуации конца 50-х и начала 60-х годов, неудачи крестьянского движения, взлетевшего было высокой волной, но сейчас же рассыпавшегося и иссякшего в крестьянской «стихийности»,

неорганизованности и политической беспомощности. Образы «коняги», Миши и Вани, собирающихся наложить на себя руки, чтобы рассказать богу, как их била и тиранила помещица, крепостного, лижущего по барскому приказу горячую печь, мужа, секущего свою жену по приказанию помещицы, бесчисленные художественные образы того, как разумные существа, знающие, что их ожидает истязание или позор, собственными ногами идут для того, чтобы получить это истязание или позор,—все эти образы Салтыкова, перечислением которых можно заполнить не одну страницу, не что иное, как преломление в его художественном творчестве краха революционной ситуации конца 50-х и начала 60-х годов. Эти художественные образы хочется сопоставить со словами Чернышевского: «Жалкая нация, нация рабов — сверху донизу все рабы», которые Ленин назвал словами величайшей лживости к родине.

Духовная драма Салтыкова и глубочайший его пессимизм уходят своими корнями в ту же почву, что и духовная драма Герцена. Эта драма, по словам Ленина, «была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»²⁶. В эту же почву уходил корнями и утопический социализм Чернышевского, «который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»²⁶.

М. Нечкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Курсив в цитатах всюду мой, за исключением специально оговоренных случаев.—М. Н.

² Цитата не совсем точна, так как в циркуляре министра внутренних дел Ланского стоит не «предоставляется», а «оставляется», но существа дела это не меняет, тем более, что именно этот глагол «предоставляется» стоит в «высочайшем» рескрипте Александра II на имя Назимова, за которым и последовал известный циркуляр Ланского.

³ По переписке Салтыкова, относящейся к несколько более позднему периоду, мы знаем, что во время губернаторства Муравьева Салтыкова хотели судить за демократизм (письмо к Анненкову от 29 дек. 1859 г.). В письме от 16 января 1860 г. Салтыков пишет тому же Анненкову, что у него от служебных отношений беспрепятственно «поднимается вся желчь». Вероятно то же самое состояние испытывал Салтыков и в период составления «Записки о взаимных отношениях помещиков и крестьян» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. 1845—1889. Под ред. Н. В. Яковлева при участии Б. Л. Модзалевского. Лгр. ГИЗ, 1924, стр. 18 и 19).

⁴ Ленин. Что такое друзья народа. Сочинения, т. I.

⁵ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. III, стр. 233.

⁶ См. вводную статью «Салтыков-Щедрин у Ленина» к указателю Е. Макаровой, помещенному в этом же томе «Литературного Наследства».

⁷ Публицистические статьи Салтыкова недостаточно исследованы. Наиболее подробно останавливается на них В. И. Семевский в работе «Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М. Е. Салтыкова». Изд. Н. Парамонова. «Донская Речь». Ростов-на-Дону, стр. 19—25.

⁸ Ср. статью К. «Отношение М. Е. Салтыкова к крестьянскому вопросу» («Русские Ведомости», № 121 от 5 мая 1893 г.), представляющую собою пересказ и разбор работы В. И. Семевского.

⁹ В самом тексте публицистических статей Салтыкова имеются прямые указания на произведенные в них изменения цензурного характера. Так, в своем «Ответе г. Ржевскому» («Современная Летопись» от 20 июня, № 15 за 1861 г.) Салтыков пишет: «Статья моя «Об ответственности мировых посредников» напечатана в «Московских Ведомостях» не совсем в том виде, в каком была мною написана, выражения «найдутся средства», на которое так сильно напирает г. Ржевский, даже вовсе в ней не было...»

¹⁰ Собрание сочинений, изд. Маркса, т. I, стр. 87.

¹¹ Заметим, что в 1862 г. Салтыков сатирически упоминает о Ржевском в очерке «К читателю», составляющем введение к «Сатирам в прозе». Издеваясь над конституционными вождями либерального дворянства и над тем, как «нищие духом разевают от умиления рты» по этому случаю, Салтыков замечает, что они (нищие духом) даже «начинают подозревать, что между ними сидит, по малой мере, сам знаменитый публицист

и защитник свободы Ржевский, путешествующий инкогнито в скрытом образе господина Юматова (Юпитер в образе лебедя)». («Современник» 1862, № 2). Юматов — один из издателей реакционной газеты «Весть».

¹¹ Ср. «Восстание в Бездне», «Красный Архив», т. XXXV.

¹² Статья вызвала ответ Н. Карцова в той же «Современной Летописи» (1861, № 50), где автор критикует выдвигаемые Салтыковым проекты участия помещика в мирском крестьянском обществе и податного уравнивания помещика с крестьянами.

¹³ «Современная Летопись» 1861, № 42, октябрь.

¹⁴ Унковский был выслан в Вятку в феврале 1860 г.

¹⁵ Эта и все предыдущие цитаты Ржевского взяты из его статьи «Несколько слов о дворянстве» («Наше Время» 1861, № 11).

¹⁶ «Московские Ведомости» 1861, № 9.

¹⁷ «Московские Ведомости» 1861, № 94.

¹⁸ Генерал-майор, не менее «знаменитый», чем Апраксин, «прославился» кровавым подавлением восстания в Кандеевке, Пензенской губ., происшедшем раньше Бездны — 5 апреля 1861 г.

¹⁹ Арцимович — фамилия либерального калужского губернатора, политику которого в деле усмирения волнения на Мальцевских заводах 1861 г. бурно одобряло все либеральное дворянство.

²⁰ «Московские Ведомости» 1861, № 128 от 11 июня.

²¹ «В деревне. Летний фельетон» — «Современник», т. XCVII, 1863, август, стр. 182.

²² Ржевский, В., Ответ на статью Салтыкова об ответственности мировых посредников. — «Современная Летопись», № 22, июнь 1861 г. «Современной Летописью» называлось еженедельное приложение к «Русскому Вестнику».

²³ Ржевский, В., Письмо к редактору «Русского Вестника» по случаю полемики с Салтыковым об ответственности мировых посредников. — «Современная Летопись» 1861, № 30, июль.

²⁴ «Современник» 1863, август, стр. 173 и сл.

²⁵ Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 465, статья «Памяти Герцена». Курсив Ленина. Выражение «духовная драма» также принадлежит Ленину.

²⁶ Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 144, статья «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция». Курсив мой. — М. Н.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ
БОРИСА ГРИГОРЬЕВА К «ТЕТУШКЕ
АНФИСЕ ПОРФИРЬЕВНЕ» ИЗ
«ПОШЕХОНСКОЙ СТАРИНЫ», 1923 г.

ЗАМЕТКА О ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПОМЕЩИКОВ И КРЕСТЬЯН

Меры правительства по изменению и устройству быта помещичьих крестьян должны дать начало целому ряду новых отношений, доселе нам совершенно неизвестных. В настоящей заметке мы желаем коснуться исключительно одной категории этих отношений и именно той, которая определяет будущее положение крестьянина в личных сношениях его с помещиком.

Прежде всего встречается здесь вопрос, какого рода могут быть отношения крестьянина к помещику: исключительно ли имущественные, как наемщика известного имущества к совладельцу, или вместе и имущественные и личные? Что касается до первых, то не может быть подвержено сомнению, что, по крайней мере, в продолжение первых двенадцати лет, когда крестьяне за отведенные им в пользование помещиками земли будут обязаны отбывать определенные денежные или натуральные повинности, и когда вместе с тем они будут лишены права переходить с места на место, между ними и помещиками должны завязаться весьма тесные сношения, имеющие характер имущественный. Но, несмотря на свою особенность, эти отношения не представляют существенного отличия от тех, какие могут существовать между кортомщиком и владельцем всякого другого имущества. Это отношения двух участвующих в контракте сторон, и хотя здесь нет контракта писанного, однако это нисколько не изменяет существа дела, потому что обязательность имущественных отношений в этом случае так же действительна, как и обязательная сила контракта. Совершенно другое дело отношения личные. Здесь мы видим, что обыкновенный или свободный наем частного имущества не обязывает нанимателя ни к каким личным отношениям к владельцу его, что они могут остаться лично совершенно чуждыми друг другу, лишь бы с той и другой стороны были соблюдены постановленные контрактом условия. Следует ли эту свободу и необязательность личных отношений перенести и в ту юридическую сферу, которая имеет образоваться, как необходимое следствие предпринятой правительством реформы? И ежели следует, то с какого именно времени, то-есть с началом ли переходного состояния или только по окончании его? Но предварительно необходимо дать себе отчет, в чем заключается истинное значение того состояния, которое называется переходным, и в каких видах оно является необходимым. Обращаясь к циркуляру г. министра внутренних дел, мы находим, что переходным состоянием называется тот период времени, в продолжение которого крестьяне должны выкупить свои усадьбы, а цель, с которою оно устанавливается, заключается в том, чтобы крестьяне оставались в это время крепкими земле. Крепкими земле должны остаться крестьяне как для того, чтобы устройство новых поземельных отношений произошло постепенно, без крупных и внезапных потрясений, так и для того, чтобы предотвратить в сельском населении подвижность, которая, в видах государственных, признается преждевременною. Из этого возникают для крестьянина два рода отношений к помещику: во-первых, обязанность производить по частям уплату выкупной суммы, во-вторых, обязанность отбывать определенную повинность за право пользования пахотными землями. Отношения, как видим, чисто имущественные, которые могут быть формулированы следующим образом: А дает усадьбу, Б выплачивает ему ее стоимость; А отдает в наем участок земли, Б уплачивает ему за это ежегодный оброк. Кажется, тут нет и не может быть недоразумений. Но, возражая нам, отношения эти не могут быть названы в полном смысле слова юридическими, потому что они основаны не на обоюдном согласии договаривающихся сторон, а на обязательной силе высшего распоряжения.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ
БОРИСА ГРИГОРЬЕВА К «ТЕТУШКЕ
АНФИСЕ ПОРФИРЬЕВНЕ» ИЗ
«ПОШЕХОНСКОЙ СТАРИНЫ», 1923 г.

истекшего из начал государственной необходимости; следовательно, тут и норма оброка, платимого за землю, и самое количество земли, отводимой в пользование,— всё определено заранее, так сказать, фаталистически.

Согласны, тем не менее, однакож, каким бы порядком ни были определены отношения крестьянина к помещику, они все-таки такого рода, что изменение их не зависит ни от той ни от другой стороны; все-таки значит, они имеют всю твердость юридических отношений, ибо помещик даже в продолжение переходного состояния не будет иметь право требовать отправления иных каких-либо повинностей, кроме тех, которые будут определены подлежащим губ[ернским] комитетом и утверждены правительством. Следовательно, приведенное выше возражение может вести лишь к тому, что для обсуждения столкновений, которые могут возникать из такого рода исключительных отношений, необходим также и исключительный суд, но не более того. Удовлетворение этой потребности уже предусмотрено в предположении об учреждении особых уездных присутствий, которых назначение должно заключаться именно в разборе недоразумений между помещиками и крестьянами по их взаимным имущественным отношениям. Где же во всем этом предлог для продолжения личных отношений между крестьянином и помещиком, или, лучше сказать, для продолжения личной зависимости крестьянина от помещика, ибо, при неравенстве условий, личные отношения без личной зависимости немыслимы.

Предлога этого (по крайней мере внешнего) ищут в том, что «вотчинная полиция предоставляется помещику». Слова эти истолковываются весьма различно. Одни полагают, что на время переходного состояния необходимо вооружить помещика понудительными средствами или точнее правом наказания, как единственным путем для обеспечения исправного отправления повинностей. Но это толкование, очевидно, несостоятельно,

ибо обязанности полиции не в том только состоят, чтобы наблюдать за выгодами помещика: помещик, делаясь полицеймейстером своего имения, становится вместе с тем и органом общей государственной полиции, и в этом качестве нередко должен будет найтись в явном противоречии со своими выгодами. Всё это, как мы увидим далее, не только возможно, но и должно. Другие идут далее и смотрят на помещиков, как на прирожденных полицеймейстеров в районе своих имений, которым принадлежит право полицейской расправы не только в тесной сфере отношений, образующихся между помещиком и крестьянином, но и в смысле более обширном, государственном, и не только на время переходного состояния, но и на вечные времена.

Посмотрим, в какой степени возможно применять к означенным выше словам, лишь в общих чертах характеризующим будущее устройство вотчинной полиции, подобные матерьяльные и даже более чем буквальные толкования.

Представим себе помещика, сделавшегося полицеймейстером своего имения. В чем могут заключаться его полицейские права и обязанности относительно крестьян, кроме права наказывать крестьян за неисправное отправление господских повинностей? По общим законам, обязанности полиции обнимают охранение православной веры и прав церкви, охранение общественной тишины и спокойствия, наблюдение за нравственностью, за ненарушением правил, предписываемых особыми уставами о паспортах, о производстве торговли, о народном здравии и т. п. Из числа сих обязанностей вполне только одна, а именно: наблюдение за нравственностью, и частью тоже одна: охранение общественной тишины и спокойствия предоставлялись доньше помещикам и составляли одну из характеристических черт того, что мы называем крепостным правом; прочие же и доселе подлежали ведению общей полиции. Такой порядок вещей весьма рационален: вера, церковь, народное здравие, торговля — всё это такие понятия, которые выходят из узкой сферы частных интересов, и как бы ни была велика сила обстоятельств, допускающая временное владычество частного на счет общего, тем не менее в сфере народной жизни все-таки найдутся такие явления, на которые нельзя смотреть иначе как с высшей точки зрения, оставив в стороне всё прошлое и случайное. Как ни сильно пустило корни крепостное право во все общественные отношения, все-таки оно не могло проникнуть их до такой степени, чтобы связать с собою участь всего государственного организма, и овладело только одною самонаименовательною частью одной из отраслей государственного управления: полицией. Правда, что все предметы полицейской деятельности так тесно между собою связаны, что нельзя уступить из них одного, чтобы прочие от этого не пострадали. Таким образом, мы видим, что, при возможности распоряжаться личностью крестьянина, помещики и мало-по-малу сделались судьями и в делах, подлежащих ведению общей полиции, потому что нередко от произвола их зависит или отдать известное преступное действие на суд полиции, или ограничиться относительно его домашнею расправою. Но все-таки это не более как злоупотребление, конечно, необходимо вытекающее из практики, но законом оно допущено не было, и всегда подвергалось его преследованию. Да притом это положение вещей, которого корни питаются отживающим свое время крепостным правом, и не может служить образцом для будущего полицейского устройства, по той простой причине, что не будет тех условий, которые его породили. Нам скажут, быть может, что помещик, делаясь полицеймейстером в районе своего имения, этим самым становится на ту общую точку зрения, которая необходима для того, чтобы исполнять полицейские обязанности сообразно с требованием закона и общих государственных нужд. Мы и не отрицаем для помещика возможности лично

стать на эту точку, но утверждаем, что эта возможность останется для него навсегда недостижимой, коль скоро он будет окружен теми условиями, в которые ставит его необходимость быть полицеймейстером именно той местности, к которой он привязан фаталистически. Не забудем, что именно здесь, а не в другой местности, имеются у помещика к крестьянам отношения имущественные, которые могут беспрестанно ставить его в положение истца. Кто поручится, что помещик эти отношения не будет вносить в сферу своей полицейской деятельности? Очевидно, что приманка слишком привлекательна, чтобы большинство не устремилось к ней, как к единственному средству, которое дает ему возможность по желанию и без хлопот устроить свои личные интересы. Очевидно также, что, при таком смешении понятий частного и общего, крепостное право не только не будет *de facto* уничтожено, но даже вся полицейская деятельность, в полном своем составе, сделается частною собственностью, и мы не замедлим возвратиться к средневековым воззрениям на существо и значение правительственных учреждений.

Но пойдем далее: допустим, что ни один помещик не увлечется до такой степени своими личными отношениями, чтобы упустить из виду обязанности, возложенные на него как на орган общей полиции. Какая смесь разнообразных воззрений на существо полицейских обязанностей и на способы выполнения представляется глазам нашим! Воззрений неуловимых и недостижимых ни для какого контроля, потому что как бы ни был сложен и искусно организован правительственный контроль, он никогда не может быть доведен до той степени растяжимости, которая дала бы ему возможность простираť свое действие на все эти чуть заметные дробы, которые называются поместьями. Да притом, можно ли поручиться, что контроль этот действительно будет полезен? Не следует ли, напротив того, думать, что как скоро однажды допущен известный порядок вещей, то контроль над ним будет проникнут тем же политическим элементом, который присутствовал и при самой организации этого порядка? А сколько поводов к злоупотреблениям со стороны контролирующих чиновников? И кому поручить контроль? И какой контроль? контроль самый мелочный, самый придирчивый.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ
БОРИСА ГРИГОРЬЕВА К «ТЕТУШКЕ
АНФИСЕ ПОРФИРЬЕВНЕ» ИЗ
«ПОШЕХОНСКОЙ СТАРИНЫ», 1923 г.

влекущий за собой огромное бумажное производство, контроль, не приводящий ни к какому существенному результату, живущий, как паразит, на счастъ дела, к которому приставлен, но тем не менее совершенно независимо от него! Положение фальшивое и вместе с тем едва ли не безнравственное.

Все эти вопросы еще более усложняются, если мы внимем глубже в различные условия и способы управления помещичьими имениями и в разнообразны качества управляющих. В о-п е р в ы х, никто не будет отрицать, что и между помещиками, хотя они принадлежат к сословию, стоящему во главе просвещения, могут найтись люди не вполне благонадежны, и что еще более найдется таких, которые если не совершенно незнакомы, то во всяком случае знакомы слишком поверхностно и с законами и с способами их применения. Как поступать в таких случаях? Оставлять ли исполнение полицейских обязанностей в жертву неспособности и самой неблагоприятности? или заменять неспособных помещиков другими лицами, по выбору от правительства? В первом случае, весьма легко предвидеть, какие могут быть последствия; во втором, вмешательство правительства будет явным нарушением прав помещика, ибо если сохранены между ним и крестьянином личные отношения, то очевидно, что судьбу в этих личных отношениях, столь тесно связанных с отношениями имущественными, может быть не кто иной, как сам помещик, и всякая замена, происходящая не с его свободного и невольного согласия, есть нарушение не только личных прав его (за правами он, пожалуй, и не погонится), но и материальных выгод. Стало быть, в обоих случаях положение будет весьма странное, если не безвыходное. В о-в т о р ы х, как мы сказали выше, управление помещичьими имениями бывает весьма различно: в одних существует личное управление помещика, в других он управляет через доверенное лицо, в третьих, наконец, через выборных от самих крестьян, только под наблюдением или самого помещика или его управляющего. Есть и другие условия, которые оказывают решительное влияние на способы управления, и которые не исчезнут даже с введением нового порядка вещей, а именно: в одних имениях существуют отношения барщинские, в других только денежные или оброчные. Наконец, явятся и такие имения, в которых крестьяне, посредством выкупа или иным путем, приобретут себе от помещика участок земли в свою полную собственность. Если сохранить непосредственные личные отношения помещика к крестьянам, то для каждого из упомянутых выше условий управления потребуются совершенно особый устав, в котором нужно будет определить, в какой мере, в каждом из вышеприведенных случаев, помещик может простираť к крестьянам свое полицейское домогательство. И тогда странное зрелище представится глазам нашим; будут рядом существовать следующие полиции: полиция барщинских имений, полиция оброчных имений, полиция имений выкупившихся с землей, полиция казенных имений, полиция удельных имений, полиция горнозаводских имений, находящихся на посессионном праве, полиция горнозаводских казенных имений и пр. И над всем этим носится общая государственная полиция, которая теряется в этих подразделениях и недоразумениях, которая не может ни к чему приступить, не припомнив себе бездны различных изъятий, и которой действие на каждом шагу подрывается скрытным действием этих частных полиций.

Вот к каким результатам приводит нас буквальное толкование слов: «вотчинная полиция предоставляется помещикам». И напрасно будут нам говорить, что такое облечение помещиков полицейской властью обязательно только на время переходного состояния: во-первых, ни из чего не видно, чтобы обязательность этого правила простиралась именно на двенадцать лет, а не далее, а во втором, подобное положение вещей не только на двенадцать лет, но и на одну минуту не может быть признано возможным.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ
БОРИСА ГРИГОРЬЕВА К «ТЕТУШКЕ
АНФИСЕ ПОРФИРЬЕВНЕ» ИЗ
«ПОПЕХОНСКОЙ СТАРИНЫ», 1923 г.

Утверждают, что необходимость предупреждения неисправности со стороны крестьян в отбывании господских повинностей есть уже достаточный повод для облегчения помещиков личной полицейскою властью, но как же не сознать, что предупреждение это принадлежит к разряду отношений имущественных, не имеющих ничего общего с личными, что для разбора первых могут быть и действительно будут учреждены особые присутствия, которые вполне удовлетворят своему назначению, и что, наконец, имущественные отношения могут продолжиться и далее 12-летнего периода, и что следовательно, связывая их с отношениями личными, необходимо будет и для последних продолжить срок на неопределенное время.

Согласны мы, что по существу и способу отправления полевых работ, там где существуют барщинские отношения, не все равно, сейчас ли принять меры для понуждения крестьян, или ожидать этого понуждения от сторонней полицейской власти. Но во-первых, это затруднение может быть устранено установлением таких штрафов, которые служили бы вместе и возмещением помещичьего ущерба и предупреждением для крестьян на будущее время; во-вторых, с предоставлением помещику права наказания, нельзя уклониться и от определения материальных способов этой расправы. В чем будет заключаться этот способ? если в телесном наказании, то он имеет ту невыгоду, что не вознаграждает помещика за ущерб, и сверх того, предоставленный усмотрению частного лица, он слишком напоминает о крепостном праве, чтобы желательно было удерживать его. Прибавляют, что наказание может быть окружено гарантиями для крестьян, как например: мера его должна быть определена законом, оно должно совершаться в присутствии выборных с объявлением вины, и, наконец, крестьянину должно быть предоставлено право жалобы на злоупотребления. Все это действительно пред-

ставляет значительное усовершенствование против ныне существующих способов проявления помещичьей власти; однако существенных гарантий для крестьян мы все-таки не замечаем. Гарантия наказания заключается в его законности, в той сопровождающей его мысли, что оно является как орудие общественного или государственного суда, а не как орудие личного произвола, часто основанного на одном недоразумении. Определение меры наказания совершенно ускользает от власти закона, потому что в ежедневных мелочных отношениях одного лица к другому, там где преступное действие является не столько в материальной, положительно очерченной форме, сколько в намерениях, выражении лица, интонации голоса, недосказанных речах и т. п., есть столько тонких оттенков, которые совершенно невозможно определить. Закон может наименовать преступным то или другое действие, выразившееся в известной для всех видимой и понятной форме, но с улыбками, понижением или повышением голоса, выражением глаз и т. д. он не может иметь дела. Притом, если бы закон и принял на себя такую власть, кому неизвестно, как растяжимо применение закона на практике, если правильность этого применения не гарантирована соблюдением известных законом же определенных формальностей. А именно присутствия этих-то формальностей и недостает в рассматриваемом случае, ибо совершение наказания при собрании выборных с объявлением вины никакой формальности не составляет, а только без нужды привлекает сторонних людей к зрелищу не для всех приятному. Присутствие выборных тогда бы могло служить еще некоторою гарантией, если бы можно было положительно удостоверить, что выборные, находящиеся под личным влиянием помещика, не будут составлять массы безгласной, а утверждать это, при существовании личных отношений помещика к крестьянам, едва ли дело возможное. Наконец, право жалобы на злоупотребления власти помещика есть такое сомнительное право, которым не всегда может воспользоваться даже человек, вполне сознающий свое право. Всякая жалоба влечет за собою и проволочку времени и ущерб для истца; следовательно, если крестьянину придется гнаться за каждым случайным тычком, то ему неостанет на это ни времени, ни материальных средств. При этом, все-таки повторяем: не надобно забывать, что здесь личные отношения истекают из имущественных, и что следовательно взаимное положение обеих сторон все-таки должно быть, по возможности, уравновешено, но какое же будет равновесие, если одной стороне мы предоставим право немедленно удовлетворять свои требования, а другой лишь право ожидать десятков дней этого удовлетворения от подлежащего судебного установления? Но если мы даже предположим, что крестьяне воспользуются этим правом, то какие могут выйти из этого результаты? Во-первых, соблазн будет так велик, что нельзя не ожидать, чтобы крестьянин не перетолковал себе права жалобы в самом преувеличенном виде, и не стал пользоваться им на каждом шагу, и в деле и в бездельи, а во-вторых, какая бездна дел должна возникать из этих ежемгновенных (и надо добавить, натянутых, вызывающих взаимное раздражение) отношений? Очевидно, что никакое присутственное место не будет в состоянии с успехом удовлетворять всем требованиям.

Возвращаясь затем к главному предмету настоящей заметки, мы не можем не заключить, что все недоразумения, указанные нами выше, основаны на слишком буквальном, а потому и превратном толковании слов, которые мы неоднократно имели случай приводит. Вместо того, чтобы видеть в словах этих лишь зародыш будущего местного полицейского и административного устройства, зародыш, подлежащий дальнейшему развитию, хотят непременно видеть в них окончательную норму, в которой должно выразиться действие полицейской власти. Как будто тем, что полицейская власть остается в руках помещиков, уже все сказано? Как будто вслед за этим не-

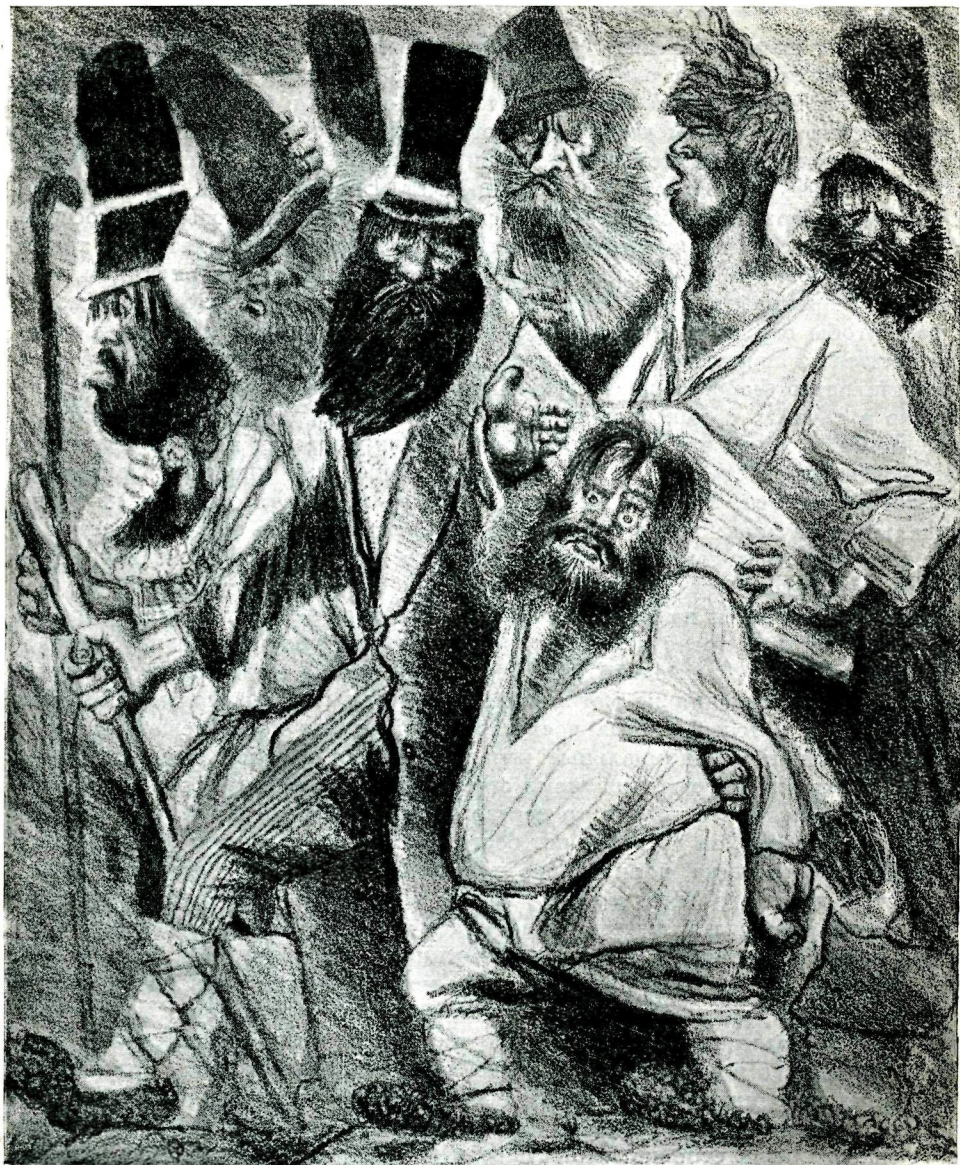

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ
«ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA», 1934 г.

надлежит положительно определить, под какими условиями, среди каких учреждений, гарантирующих правильное ее действие, должна выражаться эта власть.

Здесь мы должны сказать несколько слов о том, с какой точки зрения мы смотрим вообще на различные системы применения административных начал. Но предупреждаем читателя, что и по объему и по характеру настоящей заметки мы можем коснуться этого предмета только слегка, предоставляя себе в непродолжительном времени, в особой статье и во всей подробности, развить взгляд наш на этот предмет. Вообще мы не принадлежим к числу приверженцев бюрократии; мы думаем, что она вовсе не способна ни понимать истинных интересов земства, ни тем менее управлять ими таким образом, чтобы это управление имело результатом действительную для дела пользу. Бюрократия имеет свое специальное назначение: оно заключается в том, чтобы охранять интересы государства от излишнего наплыва интересов местных. Назначение, как видится, чисто-наблюдательное, и затем всякое вмешательство бюрократии в сферу исполнительную может быть допущено только в случаях чрезвычайных, т. е. тогда именно, когда есть основательный повод думать, что от небрежности муниципальных властей известной местности могут страдать интересы государства, или интересы других соседних местностей. Местное же управление должно быть основано на муниципальных началах: только тогда оно не будет служить обременением для края, только тогда может принести для него действительную пользу, когда в нем принимают участие все элементы, из которых составляется то, что в законе называется именем земства. До сих пор, элементов этих у нас не было. Крепостное право наложило запрещение на целую половину народонаселения России (или около того), и потому весьма естественно, что муниципальные учреждения не могли у нас развиваться. Но мы впадем в большую ошибку, если и теперь, когда представляется полная нравственная возможность применить муниципальные начала к нашей местной администрации, мы окружим эти учреждения всеми стеснениями бюрократической регламентации. Вспомним, что только то дерево бывает и крепко и здорово, которое растет на свободе, за которым нет бестолкового и случайного ухода всякого проходящего человека, поризвольно принимающего на себя роль садовника. Допустим даже, что, быть может, в начале и действия и приемы муниципального управления будут шатки, но не будем слишком поспешно выводить из этого неблагоприятные для него заключения, а напротив того, убедим себя раз навсегда, что ни один принцип, а тем менее принцип административный, охватывающий столько разнообразных интересов, не может сразу предьявить все свои результаты, и будем ждать с терпением. Часто случается нам слышать мнение (а в недавнее время оно выразилось и печатно), что злоупотребления чиновников имеют своим источником тот же строй понятий и воззрений, которые служат основой для крепостного права. В этой мысли есть своя справедливая сторона: если существует кормление законное, то никакая власть не в силах будет искоренить кормления незаконного, опирающегося на те же самые основания. Но не надо при этом забывать, что, вне этого строя понятий, есть еще иная, особая сфера понятий и воззрений, которая составляет принадлежность собственно бюрократии, и которая осуждает ее на вечное бессилие относительно добра и пользы и напротив того вооружает ее страшною силою относительно зла и вреда. Эти понятия прямо истекают из положения бюрократии относительно управляемой местности. Считая себя представительницею интересов высших, государственных, бюрократия с пренебрежением смотрит на местные интересы, которые кажутся ей и ничтожными и вздорными, и с нетерпеливым презрением выслушивает даже самое легкое замечание или представление со стороны местных обывателей, не говоря уже о противоречии. Сверх того, действия ее ничем и никем не

контролируются, ибо устройте какой угодно сложный контроль, окружите бюрократию коллегияльными учреждениями, требуйте от нее отчета в каждом ее действии, в каждом шаге ее служебной деятельности, результатов все-таки никаких не получится. Ибо коллегияльный и даже одноличный контроль тогда только может быть действителен, когда он сосредоточен в иной разноразличной среде, имеющей и возможность и интерес контролировать; если же он находится в руках представителей тех же самых начал, то в таком случае может произойти одно из двух: если контроль одноличный или иерархический, то контролирующее лицо будет вовлечено в огромную переписку, в бесчисленное множество бесполезных и нелепых действий, и все-таки будет обмануто, потому что обмануть лицо, ни с которой стороны не притязающее интересам и выгодам земства, ничего не стоит; если же контроль будет коллегияльный, то коллегия эта будет только фикцией, служащей только тому, чтобы бюрократическим злоупотреблениям и произволу придавать формы некоторой легальности, ибо бюрократия вся основана на началах дисциплины, и эта последняя столь необходима, что даже там, где высшая власть, для обуздания произвола, связанного с одноличным управлением, нашла полезным окружить своих агентов коллегиями, она вместе с тем была вынуждена вооружить председателей этих коллегий правом давать предложения, сразу уничтожающие все коллегияльные мудрования. Да и какое странное положение: с одной стороны доверять чиновнику, поручать ему управление целой местностью, с другой стороны стеснять его на каждом шагу контролем другого лица, имеющего совершенно одинаковые с ним свойства и качества? И почему не А контролирует Б, а именно Б надзирает за А? Кто поручится, что Б действительно надзирает хорошо, и не нужно ли, в свою очередь, и к Б приставить надзирателя?

Итак, невозможность, или, по крайней мере, почти безвыходная затруднительность контроля, соединенная с такою же неспособностью понимать интересы местности и с затаенною мыслью, что интересы эти так пошлы и вздорны, что можно и должно, без всякого зазрения совести, гнуть их в ту или другую сторону, смотря по личным воззрениям чиновника, порождает третье явление, которое окончательно делает бюрократию неспособною к административной деятельности. Явление это — произвол действий. Произвол этот сам по себе имеет столько привлекательного, что не нужно никаких посторонних более или менее сильных побуждений, чтобы он вполне не овладел всеми действиями чиновника. В какой бы мере ни увеличивали мы угрозу закона, запрещающего и карающего произвол, сила обстоятельств всегда возьмет перевес, и чиновник, раз вступив на стезю произвольных действий, употребит все усилия, чтобы подорвать действие закона и сделать его ничтожным. Во Франции, где не только не существует крепостного права, но где все граждане равны перед законом, мы тем не менее видим, до каких размеров может достигать бюрократический произвол. А там, между тем, существует и общественное мнение достаточно развитое, и гласность. Чему же приписать такое явление, как не недостаточной крепости муниципальных учреждений или, лучше сказать, безграничному подчинению их бюрократии?

Таким образом, мы естественным путем приходим к тому заключению, что из всех учреждений, которые могут быть установлены для управления местными интересами (ибо здесь нам об них только и предстоит вести речь) самым лучшим учреждением будет то, в котором все элементы земства найдут своих естественных представителей и защитников, и где значение бюрократии будет ограничено единственно сферою государственных интересов, из которой они не должны и выходить. Среди этих-то именно учреждений, которые могут иметь и свое иерархическое развитие, сословие дворян-землевладельцев должно занять принадлежащее им по праву место, но занять

его не произвольно и исключительно, а совместно с представителями других сословий, имеющих в данной местности постоянную оседлость или постоянный промысел. Мы не должны терять из вида, при этом что в настоящее время дворянское сословие находится в выгоднейших, против земледельческого, условиях со стороны образованности и со стороны материальных средств; следовательно, оно без труда, с помощью одних только этих средств, приобретает себе, если только захочет, то законное влияние на дела местности, которое было бы желательно предоставить ему, и в котором только и можно видеть единственно твердую, а не мечтательную опору для дворянского сословия. Нам возразят, быть может, что страсти и сословные увлечения, по крайней мере, в первое время по уничтожении крепостного права, могут заглушить самый голос рассудка, и что в этом случае все предположения на счет законного влияния дворян-землевладельцев могут рушиться сами собою. Хотя опасения эти представляются иногда и в слишком преувеличенном виде, но нельзя отрицать, что в них есть своя доля справедливости. Но разве нет способов предупредить осуществление этих опасений? Во-первых, можно постановить, чтобы первенство дворян-землевладельцев в делах местного управления вообще и в делах местной полиции в частности было фактом обязательным. По мнению нашему, эту обязанность достаточно было бы распространить на тот период времени, который называется «переходным состоянием», потому что этого времени весьма достаточно, чтобы новые отношения, истекающие из настоящих мер правительства, определились вполне, и восприняли свой законный, непринужденный ход. Во-вторых, если бы и этого оказалось недостаточным, разве правительство не имеет возможности продолжить эту обязательность отношений дворянского сословия к земледельческому до тех пор, покуда, по высшим политическим соображениям, окажется это действительно нужным и удобным?

Вот наше искреннее мнение о значении той меры, которая предоставляет помещику полицейскую власть над прежними крепостными. Понимать ее иначе, значило бы завязывать между помещиками и пользующимися его землями крестьянами такие искусственные отношения, которые повлекли бы за собою лишь взаимное и постоянное раздражение. Устранить последнее можно не иначе, как предоставив дворянам-землевладельцам ту же самую полицейскую власть, но не непосредственно, а окруженную известными гарантиями, которых присутствие сообщало бы ей законность и отняло бы у ней тот оттенок произвола и несправедливости, который составляет непремennую принадлежность всякой одноличной власти.

К этому не излишне будет прибавить и то соображение, что исполнение полицейских обязанностей в том составе, в каком они значатся в общем полицейском учреждении, требует и личного весьма хлопотливого труда, и материальных издержек, которые будут в общей массе тем значительнее, чем ограниченнее будут районы действия местных полиций. Если непосредственною полицейскою властью над крестьянами обложить землевладельцев-дворян, то на кого должны падать эти издержки? По справедливости на помещиков, потому что предоставление им личной полицейской власти может быть допущено не иначе, как в видах ограждения их же выгод. Согласятся ли помещики принять на себя эти издержки? очевидно нет, потому что они для всех вообще тягостны, а для многих и совершенно разорительны. Остается, стало быть, или действовать на них принудительными мерами, что несправедливо, или же привлечь к участию в сих издержках те сословия, для которых самое учреждение полиции, в этом виде, не представляет ни гарантий, ни пользы, что не логично. По этим основаниям, а также принимая в соображение, что нынешние крепостные крестьяне должны быть разделены на сельские общества, мы полагаем, что как внутреннее так и полицейское управление этих обществ может быть, без затруднений и с боль-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ
«ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA», 1934 г.

шою для дела пользою, устроено на муниципальных началах. Участие помещика в этих учреждениях должно быть ограничено лишь делами, имеющими значение для всей местности, как напр. делами общественного спокойствия и благоустройства, делами по учреждению училищ, благотворительных заведений, ярмарок и т. п., в прочих же делах, касающихся исключительно интересов крестьян, составляющих сельское общество, как напр. при раскладке податей и повинностей, отправлении рекрутской повинности, разделе семейств и земель и т. п., участие помещика может быть допущено не более как в качестве совещательном. Гораздо значительнее может быть участие дворян-землевладельцев во второй и третьей инстанциях полицейского управления. Второю инстанциею должна быть волость, третьею уезд. Необходимость волостного управления, устроенного на основаниях, гарантирующих правильное и законное действие полицейской власти, очевидна для всякого. Никто уже не отстаивает ныне существующие становые управления, как потому, что они, совершенно устраняя коллегияльное начало, дают слишком большую область одноличному произволу, так и потому, что они, по многим причинам, не удовлетворяют даже прямому своему назначению, т. е. действительности полицейского надзора. Как в волостных, так и в уездных учреждениях первенство может быть предоставлено дворянам-землевладельцам безо всякого ущерба или опасений, ибо соучастниками их по управлению будут и представители от других сословий, в нем заинтересованных. Само собою разумеется, что над всеми этими земскими учреждениями, должен возвышаться контроль центральной власти, уравнивающий борьбу частных интересов.

Что же касается до столкновений, могущих возникать из имущественных отношений между помещиками и крестьянами, то способы разбора их уже указаны правительством. Тем не менее, мы смеем думать, что этот исключительный порядок разбирательства не может быть обязательным на неопределенное время; с окончательным выяснением отношений свободного труда к общему экономическому строю, минует и необходимость в исключительной для них юрисдикции; но до тех пор («переходное состояние» в истинном значении этого слова) она необходима. Но при этом мы, с своей стороны, полагаем бы полезным (и именно в видах устранения личной зависимости крестьян от помещиков), кроме уездных присутствий, учредить еще присутствия более местные, дабы через это достигнуть более скорого и доступного средства для разбора, в известных пределах власти, возникающих претензий и споров.